

ЛОДКА ДО БЕРЛИНА

Повесть

ЧАСТЬ I

Глава 1

В Рублёво, крошечной деревеньке, затерянной в полях Псковской области, темнеет рано. Чуть засиделся мужик в гостях, вышел на улицу, а без фонаря домой уже и не вернуться. Электричество, благо цивилизации, дотянули до жителей Рублёва не так давно. Советская власть, несмотря на масштабность плана ГОЭЛРО, провела электричество только в конце 60-х. Постановления партии и правительства взрослые зачитывали, а детишки делали уроки, под тусклым светом керосинок. В совхоз и школу за три километра добирались на телегах или пешком. Окончивших школу, отправляли овладевать профессией в город. Одни возвращались в родные места, другие, на гордость родителям, становились городскими.

Работы в совхозе и личном хозяйстве всегда навалом. Страна выжимала все соки из сельских тружеников. Отгорбатившись на благо «кипучей, могучей», измученные совхозники занимались личным хозяйством. Жили небогато, но с верой в завтрашний день. В лихие 90-е совхоз пошел по миру, труженики перерезали голодающую скотину и потянулись к детям в города. В деревне остались верные земле старики да те, кому ехать некуда. Стук топора покинул деревню, избы гнили, посевные поля заросли сорной травой. Летом, правда, городские вспоминали о брошенной недвижимости, целебной силе деревенского эфира и возвращались вкусить деревенского колорита.

На деревню спускался прохладный майский вечер. Перед ветхой избой за деревняным столом сидели два мужика и согревались чистейшим самогонном.

— Вид на реку у тебя чудеснейший, — позавидовал Сергей. — Другого такого вдоль всей Великой не сыщешь. Ни в Пскове, ни в Чертовидове. Рублёво наше — место сказочное. Нигде так вечером солнце не падает в речку, а утром опять залезает на небо.

— Странно, — удивился собеседник. — Я только видел, как падает...

— Мать твоя, земля ей пухом, не нарадуется, на красоту эту сверху глядя. Не старушка была, божий одуванчик...

— Она всю жизнь тут прожила, — закивал Петр. — Даже в город не ездила. Ни разу! Словно какой-то невидимый магнит ее держал. И во время оккупации осталась тут. Не оставила родной дом. Каждая травинка, каждый камешек ее помнят. Кажется, откроет дверь и в меня оковалком запустит за то, что я вот сию пьяный, курю. Да-

---

Максим Епифановский родился в 1975 году в Ленинграде. Окончил СПбГМУ им. академика И. П. Павлова. Печатался в журналах «Нева», «Юность», «Подъем». Повесть «Оранжевое драже» переведена на китайский язык. Цикл рассказов «Беспечный студент» вошел в сборник рассказов о юности «Мои университеты» (М.: Эксмо, 2017). Живет и работает в Санкт-Петербурге.

вай за нее еще по одной, — Петр разлил мутную жидкость и мужики, не чокаясь, опрокинули стаканы.

— Сестры твои, когда приезжают? — просипел Сергей.

— На днях должны. Если ничего у них не изменится.

— Зачем едут?

— На лето к пенатам. Оля же на пенсию вышла — вредное производство. Анька хотела расчет взять до осени. Зинка — не знаю... Да она и сама не знает... Порядок навести. Из подушек пыль выбить. — Петр резко ударил по руке. — Комаров покормить.

— Хозяйство большое. Избу, конечно, обновить надо. Баню, тоже. Но земли у вас от реки и до горизонта, — Сергей поднес ладонь ко лбу и посмотрел вдаль. — Земелька нынче самое ценное. Дом что? Любые хоромы можно выстроить! Было б где... У вас же собственность?

— Мать первой в деревне все переоформила, — кивнул Петр. — Тебе зачем? С какой целью интересуешься? Купить хочешь?

— Откуда у меня такие деньжищи! — скривился Сергей. — Слышал, Палыч перебрался в город? Тут все продал москвичам. Да... Бизнес будут делать. То ли лошадыми займутся, то ли страусами... Говорят, на их мясо и яйца сейчас спрос в городе.

— На страусиные или московские?

— На лошадиные! — заржал Сергей. — У Палыча земля без вида. У тебя же хоть гостиницу строй, хоть банный комплекс...

— Так вот куда Палыч делся! — на Петра снизошло прозрение. — А я-то смотрю, какие-то незнакомые хари у него обосновались. Самого не видно...

— Вот так! Его раньше за дурака держали. Палыч наш совсем не дурак оказался! Первым смекнул в чем выгода зарыта. В городе обосновался припеваючи. Квартирку купил. Мастерскую держит.

— Че? Палыч мастерскую? — Петр недоверчиво сдвинул брови. — У него же руки растут... Сам знаешь откуда.

— Знаю. Забор мне как-то взялся помогать... — Сергей махнул рукой. — Он купоны стрижет. На него люди работают!

— А-а-а... — протянул Петр. — Так бы сразу и сказал. Видишь ли, если б это все мое было. Это ж на четверых... Если вот пофантазировать, представить, что все это мое... — Петр распластал руки. — Что скажешь, хорошую деньгу можно заполучить?

— Баснословную! — огорошил соседа Сергей. — Я бы богача раздобыл... Сговорился... Ты бы меня не забыл... По-соседски поделился. Процентик, другой... Я — человек не жадный. Однако, и мне стимул нужен.

— Так вот ты к чему вынюхивал! Сколько же ты хочешь, шельма?

— Как говорят в наших местах... — замялся Сергей. — Не будем в тазик с хряпсом вперед зюрьки лезть! Ты с сестрами договорись!

— Сестры на это не пойдут, — отмахнулся Петр. — Анька с Зинкой — дуры! Я бы их объегорил. Но Ольгу — никогда. Бесполезное дело! Они ей в рот смотрят. Она у них старшая...

— Так ты же самый старший! Сестры тебя должны слушать! Сын первый и единственный. Большак! За ними малыми присматривал, в школу водил, носы вытирал. Отца твоего прошлой весной на том берегу нашли... Теперь тебе верховодить.

— Так-то оно так... — согласился Петр. — Батька у меня мировой мужик был. Хотя в жизни натерпелся. Во время войны попал в окружение. Плен. Вернулся живой, но никогда о войне не рассказывал. На парады не приглашали, орденов и медалей не вручали. Затаскали его. Для всех был человек второго сорта. А ведь этот стол сам собрал! Дощечка к дощечке! — Петр размашисто хлопнул по столу, но посуда даже не дрогнула. — Его уже нет, а стол стоит. Давай за батьку.

Пока мужики разливали самогон и опустошали стаканы, дверь соседского домика открылась. Молодая женщина с курткой в охапку решительно направилась к закусывающим.

– О, смотри, кажется твоя идет, – Петр первым заметил надвигающуюся угрозу.

– Где? – от услышанного Сергей чуть не поперхнулся соленым огурцом. – Точно. Яблочко мое наливное... Сейчас не тебе влетит оковалок от матери, а мне за это дело, – он указал на почти пустую бутылку. – Давай спрячем!

– Если начнем корчить из себя трезвых, то будем выглядеть противоестественно, – резонно заметил Петр.

– Согласен! Сидим тихо.

– Не замерзли? – подошедшая Лиза благодушно посмотрела на окосевших мужиков, накинула на мужа куртку и села рядом.

– Спасибо. Видишь, какая у меня заботливая жена, – похвастался Сергей перед соседом. Предполагаемого оковалка не случилось.

– Вижу, – кивнул Петр, масляными глазами рассматривая жену соседа. – Только у нас тут для согрева все есть.

– Тепло-то у вас почти закончилось, – подметила Лиза. – Прохладно уже. Темнеет... Не пора ли вам по домам, мужчины? Если вас не разогнать, так вы до утра сидеть можете. Еще согретые в речку полезете...

– Ты иди. Я – следом, – Сергей обнял жену. – Нам с Петром договорить надо. Судьбоносные решения принимаем!

– Это понятно. Судя по остаткам – планетарного масштаба! Ладно, пойду. Женщине среди выпивающих мужчин небезопасно находиться. Не засиживайся.

Лиза нежно поцеловала мужа и неспешно поплыла домой.

– Честно тебе, как на духу, признаюсь. Люблю ее. Да-а-а, – вздохнул Сергей. – Многое мы пережили, через такое прошли... Сам знаешь. И разница в возрасте у нас приличная. Но мы вместе, несмотря ни на что. Рыбонька моя... А пойдем на рыбалку?

– На рыбалку? – Петр от удивления открыл рот. – Отличная идея! Допьем и пойдем. Или оставим под уху? Только надо удочки найти. Где-то в сарае валялись... Или с саком пойдем?

– Каким саком?! – Сергей поразился наивности соседа. – Я о совсем другой рыбалке тебе толкую. У меня припасено... Как шарахнет! Рыбы будет... Хотя универсам открывай! Сестры твои приедут – котлет нажарят. Зинка еще варенье и компот закатает! – загоготал Сергей.

– Варенье и компот? Аппетитно рассказываешь... Ты как напьешься – такое несешь! Как страус московский. Записывать надо за тобой.

– Несет курица, – поправил Сергей. – И не записывать, а закусывать.

– Закусывай, закусывай.

– Ты над моим предложением подумай, – Сергей хоть и выпил прилично, но пытался до Петра донести свою задумку. – Такое ведь нечасто выпадает. В твоей жизни – это последний стопроцентный шанс! У тебя мечта есть?

– Мечта?

– Хватит меня переспрашивать! – разозлился Сергей. – Да, мечта?

– Есть... Хочу уехать куда-нибудь далеко, чтоб никого не видеть и не слышать! И не переспрашивать... Пожить для себя.

– У тебя же жена и дочка. Их куда денешь? – разумно поинтересовался Сергей.

– Куда, куда?... С женой у меня давно прохладно. Живем каждый сам по себе. Она в городе останется. Дочка взрослая. Не пропадут! Так что я почти свободный человек. Могу путешествовать! Обогну земной шар за всю оставшуюся жизнь... Вот только грошей нет!

– Вот дело сделаем, и будешь абсолютно свободный! С мешком денег хоть в Китай, хоть в Америку. Купишь себе остров и сиди себе один. Вот прямо здесь в лодку сядешь и отчалишь.

– С огромными деньжищами! И в лодке? – скособочился Петр.

– Белый теплоход здесь не пройдет. Но лодка будет самая дорогая, – успокоил Сергей.

– Ладно, подумаю, – кивнул Петр. – Может, на Берлин? Отец не дошел, а я дойду! Поглазею за него на немецкую столицу... Поздно уже, – Петр решил, что идея с рыбалкой лишняя. – Да отдыхать уж пора... Лизонька тебя ждет. Давай потом на рыбалку. Пойдем просто окунемся... Никого сегодня взрывать не будем...

– Рыбалка отменяется! – заорал Сергей на всю деревню. – Только у меня надеть нет ничего с собой...

– Что ты там прятать собрался?! Темнотища, глаз выколи!

– Вода еще холодная, наверное. – Сергей боязливо кивнул в сторону речки.

– Нам сейчас самое то! Протрезвеем и вернемся младенцами.

– Думаешь?

– Быстренько нырнем и обратно. С речки так сиганешь, что полотенце не понадобится. На бегу обсохнешь!

Мужики медленно встали с насиженной скамьи и, шатаясь, побрели к Великой.

Глава 2

В этом году лето пришло на псковскую землю раньше обычного. Солнце щедро одаривало почву теплом и силой, по-хозяйски выгнало весеннюю прохладу из бескрайних лесных просторов. Самая последняя травинка, самый чахлый куст тянулись вверх, стараясь явить себя миру. Над речной водой роилась мошкара, в полях шныряли полевки. Вернувшиеся аисты парили в небе, вспоминая места прошлогоднего гнездования. Верхушка электрического столба – идеальная точка для летнего дома. Ни один хищник не осилит отвесную бетонную гладь, а жужжащий ток вразумит подвыпившего мужика, вдруг ощутившего непреодолимое желание пообщаться с гордой птицей.

Таксист предупредительно сбросил скорость. Пряткий «жигуленок» соскочил с асфальта на большак, оставляя за собой клубы пыли. По днищу просевшей машины зашуршал песок. В Острове прибывшие на автовокзал быстро расхватили таксиков, и припозднившемуся таксисту пришлось одному загружать четырех пассажиров с поклажей. Сестры, фигурами походившие на матрешек, по очереди влезали в такси. С каждой посадкой ржавый «жигуленок» скрипел, проседал, но вес держал. Ольга, старшая из сестер, заняла место рядом с водителем. Анна, привыкшая всегда быть рядом с сестрой, грустно села сзади. Младшая Зина с трудом запихнула рюкзак в багажник и втиснулась в такси последней, поджав худосочную племянницу. Маша, зажатая между грузными родственниками, мечтала поскорей добраться до места ссылки, уединиться и тайком выкурить сигаретку. С работы ее уволили, и мать на лето потащила дочь в деревню.

Получив причитающееся, таксист отправился искать новых клиентов.

– Чувствуете, как дышится? – Ольга прикрыла глаза. – Совсем другой воздух. Родина...

– Тут тебе ни заводов, ни машин. Никакой цивилизации! – согласилась Анна. – Один навоз.

– Этого только не хватало! – Маша недовольно фыркнула. – Пускай уж машина чадит...

– Доча, я же пошутила! – улыбнулась мать. – Какой навоз? Это раньше, когда мне было столько, сколько тебе, а наш совхоз снабжал молоком и сметаной целый город, тут только на тракторе... Сплошное черноземье... Сейчас-то что... Пустыня. Ни одной коровы не осталось! За молоком по деревням рыскать надо. Или автолавку жди...

– Все заросло. Забор покосился после зимы, – Ольга хозяйским взглядом оценивала масштаб предстоящей работы. – Ой, и баня как-то ниже стала.

– Поправить надо, – вторила Анна. – Без твоего Толика и Леши не обойтись. Петруша один не справится.

– Где же наш брат? Почему не встречается? – Зина недовольно буркнула, закидывая за спину огромный рюкзак.

– У Толика на работе аврал. Ему никак не вырваться. Только по выходным может приезжать. Много ли за два дня сделаешь? У сыночки – любовь, – Ольга довольно улыбнулась. – Он в Турции будет отдыхать.

– Лучше бы сюда привез, – посоветовала Анна. – Можно подумать, в деревне нельзя любовь крутить! Мы же крутили...

– Мама! – недовольно одернула Маша. – Ну что ты говоришь? Смешная...

– У нас других возможностей не было, – урезонила Ольга. – Нам куда было деваться? Мы другой жизни не знали. Наши дети – не чета нам! Городские... У них другие запросы.

– Чего они там нашли? Жарища да акулы, – тяжеленный рюкзак тянул Зину назад, а тонкие ручки сумки резали ладони. – В деревне чистый воздух, за грибами будем ходить. Скоро белые пойдут. И никаких акул!

– Зина, акулы в Египте! – засмеялась Маша.

– Да? Ну и что. На югах всё рядом. Могут заплыть.

– Могут... – Маша продолжала смеяться. – Ты когда пойдешь на речку – осторожнее. Мало ли что?

– Давайте я вас лучше сфоткаю, – предложила Анна.

– Вот еще, – буркнула Зина. – Только приехали. С дороги.

– На память. Как раз! Вот только приехали, – Анна достала из сумки фотоаппарат. – Маша, Ольга, вставайте у забора. Зина, давай. Потом меня.

После фотосессии Ольга отворила скрипучую калитку, и женщины вошли во двор. На крыльце их ждал брат. Петр подготовился к встрече с родней и решил сразу взять быка за рога.

– Приперлись? В такси не укачалось? – брат недовольно покосился на сестер.

– Да что нам будет? Долетели на попутном ветре, – улыбнулась Ольга, воспринимая слова брата в шутку.

– То-то вся земля в пыли. Дышать нечем.

– Не в духе братец наш. Видимо, пил пока нас тут не было, – шепнула Анна младшей сестре.

– Где жить будете?

– Вот тебе раз! В доме родном. Стоит же... – Ольга с непониманием посмотрела на брата.

– Тесно нам в избе будет. Места нет. Еще и племянницу с собой прихватили...

– Здравствуйтесь, дядя, – поздоровалась Маша из-за маминой спины.

– Не хвораю, чего и тебе желаю. Машину отпустили? Зря! Ехали б вы обратно в город.

– Вот еще! – хмыкнула Ольга, понимая, что брат не шутит. – Вечером грузовая придет. Мы из города мебель и вещи перевозим. Перестановку сделаем.

– Тут хлама мало! Свой привезли! – огрызнулся брат.

– Какой ты гостеприимный... Разве так родных сестер встречают?

– Вот что, сестры, – Петр решил высказаться откровенно. – Я хорошенько прикинул и решил окончательно уехать из города. Хочу поселиться здесь навсегда. Я старший и единственный сын. Будет справедливо, если все будет принадлежать мне.

– С какой-то стати? – Ольга перестала понимать происходящее. – Мы все имеем равные права. У каждого своя доля. По закону и завещанию. Что это ты удумал?

– Ну, точно! Перепил... – Анна продолжала делиться впечатлениями с Зиной.

– Вы уже давно городскими стали! – Петр спустился с крыльца и, сопя, словно бык, перешел в решительное наступление. – Раньше к родителям приезжали. Тут вам что делать? Оставьте этот дом мне. Себе купите участки у города. И удобно, и затрат на дорогу никаких.

– Рублёво – наша родина. Такая же, как и твоя. Эти просторы мы не на что не променяем. Что это вообще за разговоры такие?

– Участки? – Анна принялась поддерживать сестру. – Сиди на нем, нос не высушить. Сам себе и возьми участок в пригороде!

– Ну, не знаю... – Зина мечтала уже войти в избу.

– И знать нечего! – обрезала Ольга. – Все будем жить в доме. Всем места хватит. Всегда жили. В тесноте да не в обиде. Одна кровь.

– По-хорошему не хотите? Что ж... – брат решил сменить тактику. – В таком случае я требую свою долю. Прямо сейчас!

– Петя, как ты себе это представляешь? – Анна насмешливо посмотрела на брата. – Один угол из четырех и полку в бане? Пашню тебе под картошку отдельную?

– Угол себе оставьте. Я буду жить в приделе. Там и вход отдельный, и вам мешать не буду. Сгнившую баню себе возьмите. Мне же улы да пустующий хлев. Отныне я сам по себе. И чтоб ни ногой ко мне! Не омрачайте мое святое жилище! Отныне вас знать не знаю, – Петр развернулся и зашагал к избе.

– Ну, как вам это нравится? – Ольга присела на скамейку у забора.

– Торговой перепил! – высказала предположение Анна. – Завтра гадость эта из него выйдет, и все. Придет каяться.

– Торговой? – не поняла Маша.

– Доча, торговая – водка из магазина, – просветила мать. – Когда твоя бабушка самогонку варила, чего только не было! Мордобой такой – море крови. На тракторах в город ездили, чертей видели. Но чтоб вот так на родных сестер – никогда!

– Точно! В автолавке купил, – Зина подтвердила всех устраивающее объяснение. – Паленую!

Дверь избы отворилась. В проеме появился брат с мешками.

– Смотрите – вещи перетаскивает.

– Во дает! Ну, ничего. Завтра обратно все затащит. Не сполохайся, как говорила наша мать. То есть, не переживай, – мама продолжила пояснять дочке местный диалект.

– Я прям взорвусь! – Ольга раскраснелась от возмущения. – Глазам своим не верю... Как будто во сне все происходит!

– Слушайте, еще надорвется. Может, помочь? – сердобольная Зина не сразу поняла, что сказала. – А чего?

Глава 3

Петр перешел к плану Б. Посреди двора поставил забор, наспех собранный из посеребривших досок, спинок кроватей и листов железа. Разобрал крышу над своей долей

избы, по земле раскидал инструмент, мотки проволоки, из сарая вытащил старые трубы. Купил корову, поставил еще ульи.

Сестры тем временем покрасили стены, разбили цветники. Анатолий, муж Ольги, выстроил теплицы и перебрал крыльцо, превратив его в широкую веранду. Выросший далеко от здешних мест, он сразу влюбился в рублёвские просторы, бурлящий перекарт реки, принял размеренный уклад жизни новых родственников. Со временем изба, хлев, сарай и даже забор потребовали хозяйской руки, но нежелание стареющих тестя и тещи что-либо менять сковывало его трудовой порыв. Они хотели уйти в мир иной без изменений в нынешнем. Каждая, пусть уже прогнившая дощечка, каждый ржавый засов своим скрипом служили напоминанием о прожитой жизни. Замена их на новые явилась бы прямой изменой, преданием забвению еще неоконченного жизненного пути. Теперь же Анатолий, несмотря на чудовищную усталость после трудовых будней, все выходные обрушивал скопившуюся за годы бездействия энергию на дряхлеющее деревенское наследство жены. У него не было времени точить лясы с женщинами, жена же его в свободное время любила на веранде выпить чайку с сестрами.

– Братец наш совсем ошалел, – Ольга поставила чашку на стол. – Развел у себя бардак. Инструмент по земле раскидан. Печку взялся делать. Крышу разобрал, а обратно сложить не может. Ульи везде расставил, а за пчелами не ухаживает. От них проходу нет. Не хватало, чтоб нас всех покусали.

– Водка оказалась ни при чем, – Анна признала провал своей теории и решила выдвинуть новую. – Видимо, смерть матери ему тяжело далась. Петька и раньше нелюдим был, а сейчас уж совсем... Крыша потекла.

– Аня, смерть родителей дети всегда воспринимают горестно, но держатся, – возмутилась старшая сестра. – И мы поплакали, но жизнь продолжается. Рассудком не помутились. Если бы смерть родителей все так воспринимали, на Земле давным-давно не осталось разумных людей. Наш братец как будто назло нам все делает. Лишь бы насолить.

– Отвык Петр от деревенской жизни. Мужик работающий, – Зина при каждом удобном случае защищала брата. – Потихоньку все сделает. Один ведь... Никто ему не помогает, – Зина поправила занавеску и уставилась в окно. – Погода чудесная. Купаться надо идти.

– Дела сделаем, тоже пойдем искупнемся, – согласилась Ольга. – Заодно и посуду помоем.

– У нас тут дел... до зимы... – Зина махнула рукой.

– Ничего. Глаза боятся, а руки делают, – старшая сестра подбодрила самую младшую. – Надо будет Лене, что ли, позвонить... Пусть приедет, мужика своего образумит.

– Лена как узнает, что к чему – носа не сунет. Да еще разводиться побежит. Или в дурдом сдаст. Зачем ей сумасшедший? Чтоб дома потолок разобрал да пчел на балконе разводил?

– Сосед идет, – Зина увидела в окно знакомую фигуру. – На чай.

– Правда, что ль? Несет его нелегкая! – засмеялась Ольга, встала за чистой чашкой.

Сергей наблюдал за противостоянием со стороны, формально сохраняя видимый нейтралитет. С соседками предпочитал общаться через забор, по выходным с Анатолием они украдкой пропускали по сто грамм да выкуривали по папироске. К Петру захаживал незаметно, под покровом ночи. Блицкрига не получилось, сосед перешел к длительной осаде, и Сергей решил провести разведку боем.

– Здорово, соседи! – поздоровался Сергей, войдя в избу. – Как живете?

– Хлеб жуем. Спасибо, не жалуемся. Проходи, – Ольга гостеприимно пододвинула стул, но сосед стеснительно остался стоять у двери.

– Я вижу. Забор обновили да еще и избу покрасили. Цветов море. Еле вход к вам отыскал. Райское местечко. Не узнать...

– Это наш Толик на выходных сделал, – Анна похвасталась работающим зятем. – Зина покрасила.

– Да уж. Мало мне краски на работе, – заохала Зина. – Так тут еще... Спину и руки ломит. Ночью не знаешь на каком боку лежать.

– Так ты спи на спине! – посоветовал Сергей, нерешительно присаживаясь к столу.

– На спине нельзя – в меня тапки летят, – Зина смущенно кинула взгляд на сестер.

– Все по чуть-чуть. Не сразу же Рублёво строилось. Садись чай пить. Иль чего покрепче?

– Покрепче? – Сергей не ожидал такого заманчивого предложения. В другой ситуации он бы с удовольствием согласился. – Не могу... Моя приехала. Надо до вечера терпеть. Какие еще новости? Как брат ваш?

– Совсем рехнулся! – Анна налила соседу чая. – Нас при встрече матом кроет. Видал? Рукоделец наш забор соорудил.

– Смерть мамы так повлияла, – Зина покачала головой. – Других объяснений не находим.

– Обживается, – Сергей поддержал соседа. – Корову завел, пчел разводит. Настоящий фермер. Деревню нашу возрождает.

– Пчелы есть, а будет ли мед? Благо у нас есть цветы... Так корова, будь она неладна, всю клумбу помяла, – пожаловалась Ольга. – Вон там пасется. В автолавку напрямую не пройти. Наглая такая... В обход идем.

– Да уж. Сплошные неудобства. Скважину пробурили? – поинтересовался Сергей, шумно прихлебывая горячий чай.

– Так колодец наш общий весь в лягушках, – ахнула Ольга. – Если вдруг нужна будет вода – милости просим!

– В городе вода теплая. Коров и пчел нет, – сосед принялся соблазнять городом. – Не тянет обратно?

– Мы будем иногда в город выбираться. К зиме, конечно, наступят холода – поедем все обратно. Брат наш навсегда решил здесь поселиться. Пусть бы и жил. Я не против. Так он хочет, чтобы мы вообще испарились. Здесь наша родина. Каждое лето и новогодние праздники будем здесь собираться. Все вместе. Такой речки и свободы нет нигде! Так что никуда мы не денемся!

– Как у вас дела? – Зина проявила интерес к соседской жизни. – Про себя ничего не рассказываешь. Бери печенье.

– У нас все по-прежнему. Хозяйство требует ежедневного присмотра. Моя приехала – у меня на клумбах цветы засохли. Чуть-чуть... Дала нагоняй! В парниках я поливал огурцы, помидоры... Про цветы забыл.

– Что ж ты так? – изумилась Ольга. – Женам надо цветы дарить. Ты про свою забыл?

– Лизоньку я люблю! – признался Сергей, отхлебывая чай. – Но вот цветы, будь они неладны, поливать... Я по двору с пилой и рубанком гуляю. Лейка – это не для меня.

На улице, где-то вдалеке раздался звонкий голос, нараспев зовущий Сергея.

– Моя... Соскучилась! Пойду. Спасибо за угощение. Я, кстати, завтра в город еду. Могу подкинуть, если надумаете, – Сергей поднялся и вышел из избы.

– Чего приходил? – не поняла Ольга, выливая в раковину недопитый соседом чай.

– Хозяйственный, – Зина похвалила соседа. – Все хлопочет. Порядок наводит.

– Вот бы и нам на соседа равняться. Хоть он и скользкий куркуль.

– Что ты его так?

– Вид у него больно кулацкий. Топор у него попросишь – не знает где... – пожаловалась Ольга. – Пилу – она у него тупая, видите ли... Ржавого гвоздя не допросишься.

– Сама ему нашу воду предлагаешь!

– Не буду я ему уподобляться. Людей надо воспитывать, раз родители не доглядели... Кто пример подаст? Пусть подумает. Может, стыдно станет. Исправится... Баня наша сгнила совсем. Надо новую ставить. Я посмотрела в газете. Если скинуться тыщ по сто, то можно хорошую поставить.

– Так дорого? – опешила Зина.

– Ну что делать? Зина, ты и так на воду не скидывалась. На баню-то можно... Топик сам печку положит. Он, в отличие от нашего брата, в этом разбирается.

– А где Маша? – Зине вдруг стало душно, и она нашла повод уйти на улицу.

– На речке же! – напомнила Анна.

– И я пойду искупнусь! От краски хоть немного отмоюсь, – Зина взяла полотенце и выскочила из избы.

Маленькая Зина появилась на свет, если так можно говорить о человеке, незапланированно, неожиданно для отца. Мать долго не решалась сообщить мужу о скором прибавлении в семействе, не жившем в достатке. На Егоре Ильиче лежала печать «военнопленного», дальше должности скотника его не пускали. Постоянные проверки и всеобщее недоверие превратили открытого, простодушного мужика в затравленного зверя. К новости о появлении еще одного рта он отнесся с привычной обреченностью. Мать, разрывавшаяся между мужем, детьми, домашним хозяйством и дойками коров в совхозе, оставила маленькую Зиночку на старших. Брат Петя, уже окончивший школу, заменил ей живого отца, а Оля и Аня приняли младшую сестренку за куколку и нянчились с ней все свободное время. В деревенской школе Зина, сидя на последней парте, гладела в окно, в техникум пошла с подружками, замуж вышла за первого посватавшегося. Шли годы, а Зина не спешила взрослеть, воспринимая окружающий мир, как бесконечную игру. Летела туда, куда ветер подует.

– Как водичка? – окликнула Зина племянницу, подходя к реке.

– Как парное молоко, – похвасталась Маша. Она утолила никотиновый голод и довольная сидела на расстеленном полотенце, подставив солнцу едва загорелые ноги. – Только вытирайся потом быстрее. Слепни заедят. Откуда их столько?

– От коровы, наверное. Раньше столько не было. Я тут подумала... Завтра в город уезжаю, – заявила Зина, стягивая сарафан.

– У тебя же отпуск!

– Не все же здесь сидеть, время терять. Поеду в город. Сергей подвезет. В театр схожу, например, развеюсь...

– В театр? Ты? – рассмеялась Маша. – С чего это? Ты хоть раз там была? Что смотреть будешь?

– Не знаю еще, – хмыкнула Зина, не обращая внимания на смех племянницы. – Может, Чехова... Ну, всяко лучше, чем здесь сидеть. Мало того, что опять кистью мамашу. Так еще и деньги просят.

– И я одна останусь?

– Как одна? С мамой!

– Да уж... – Маша нахмурилась. – Моя мать находится под сильным влиянием старшей сестры. У нее нет своего мнения. Вечно поддакивает! Тетя все захватила. Телевизор, диван, шкафы из города привезла, даже чайник. Если бы не дядя – весь дом был бы ее.

– Все же общее. Никто ничего не делит! Пользуйся всем. Никто тебе слова не скажет.

– Но я это чувствую! Ты видела, как она ставит чайник на стол?словно пограничный столб вбивает! Диваном весь дом перегородила. Как же это унижительно! У меня высшее образование. Я пять лет корпела в этом проклятом университете. Все эти зачеты, экзамены, отработки, наглые преподаватели. Прошла все круги ада. И должна зависеть от кого-то, общаться с людьми, для которых смысл жизни – покрашенный забор и цветущая клумба. Непробываемое мешанство.

– Машенька, что ты говоришь? – Зина осторожно вошла в воду. – Не чужие ж люди. Родственники... Я в раю!..

– Иные родственники хуже чужих! Особенно когда дело касается наследства. Всё под себя гребут. Лишь бы урвать, занять. Делают всё незаметно, исподтишка.

– Мне уже ничего не надо. Все это стоит денег. И немалых. Отдам свою долю. Такое наследство – тяжкое бремя.

– Так что ж, все отдать бесплатно? Пусть уж будет ничье?

– Ой, Маша, не знаю. Ты все размышляешь, философствуешь, слова умные знаешь. У меня от них голова заболит... А может, это от краски этой проклятой... Твой приедет на выходные?

– Обещал. Заодно и дядю Толю привезет. Никита этим летом без отпуска остался. Работу вот только поменял. И я без нормального отдыха осталась. Сижу здесь.

– Для отдыха самое то! – вода придала Зине сил. – Лучше места не найти.

– Кому как... Увидишь акулу – кричи!

Глава 4

Под покровом ночи Сергей пробрался к Петру в придел. На полу валялись пустые бутылки, сосед приканчивал очередную четвертушку.

– Да уж... Бардак изрядный ты развел. Пьешь? – Сергей укоризненно посмотрел на подельника.

– Ну?

– Берлинский забор гну! Устроил ГДР. Сестры принимают тебя за умалишенного. Того и гляди, в дурку сдадут, – Сергей сел рядом с Петром.

– Пусть я и пью, но трезвее мыслю, чем все они, вместе взятые. Как там твои инвесторы поживают?

– Какие инвесторы? – не понял Сергей.

– Те, что меня озолотят за эту землю. Ты с ними говорил?

– Разговоров я с ними пока не вел. Но ты не волнуйся! Земля будет – о цене договоримся.

– Хотелось бы знать хотя бы примерную цену. Овчинка выделки стоит? Весь этот театр я за гроши не стану устраивать. Эти гастроли могу свернуть в любой момент, – пригрозил Петр.

– Театр ты уже устроил. Гастроль идет полным ходом... Я себя не забуду, а ты барыш с горкой получишь! – успокоил Сергей. – Пусть каждый занимается своим делом! Я очень надеюсь, что твоя тактика принесет плоды.

– План простой, – поделился Петр в очередной раз своим замыслом. – Я создам невыносимые условия сосуществования со мной, и сестры уедут. Они не смогут долго жить в таких условиях. Они будут ездить туда-сюда в город по делам. Это мне даже на руку. По осени все равно уедут и больше сюда не вернутся никогда!

– Это я знаю. Только не вздумайте опять объединяться!

– Враг будет сломлен и побежит, – заверил Петр.

– Твой воинственный настрой меня очень радует, но я там был, – Сергей кивнул в сторону противника. – Если они и готовятся к эвакуации, то очень незаметно.

Загнивают красиво, в цветах, с вареньем. Рассуждают вполне разумно, но тебя не раскусили.

– Мои сестры – три кастрюли. У них в голове что-то бурлит, кипит, а если огонь выключить и открыть крышку – никакого супчика, даже бульона нет! – Петр оценил умственные возможности родни. – Одна вода. Выпьем?

– Сегодня не могу... – Сергей с сожалением посмотрел на бутылку.

– Как хочешь... Хочешь, чайку тебе заварю?

– Чай – не водка, много не выпьешь! Давай! Вода откуда?

– Как откуда? Ты что, пьяный? – не понял Петр. – С колодца...

– Там же одни лягушки!

– Ну и что? Лягушки! Французы их едят. И ничего, вон как в футбол играют!

– Ты дров возьми да под колодец забей, – посоветовал Сергей. – Сваришь супчик из лягушек, псковский француз... Я тут вспомнил, чай днем у сестер твоих попил. В следующий раз как-нибудь...

– Попил уже? Предатель! – хмыкнул Петр. – Как ты мог так со мной поступить?

– Смотрю я... Задумываюсь... Ты выпил. Это понятно... А, когда трезв? Ты в порядке?

Если вначале идея нажиться на дележе соседского наследства казалась Сергею туманной, но весьма заманчивой, то теперь вся затея превращалась в пустую забаву. Оставалась слабая надежда, что с головой погружившийся в пьянство, сосед сохранил остатки разумного и продолжит следовать выбранному курсу. «Была б земля, – считал Сергей. – Продать ее, пусть по бросовой цене, всегда можно.»

– В порядке! Полном... Что ты имеешь в виду?

– Здоровье твое. Соображаешь нормально?

– Нормально.

– Ну, вот как меня зовут?

– Тебя зовут как?! Не понял...

– Какой сегодня день недели?

– День недели? Да какая разница? У меня каждый день – воскресенье.

– И ты за мной опять повторяешь! – в ужасе зашипел Сергей. Сестры оказались правы, его союзник свихнулся. – Ну и напарничек! Пропало дело!

– Серый, ты чего бормочешь? Ну и что, что повторяю. Дурацкая привычка... Какой день недели? Да какая разница, тут в деревне? Автолавка будет завтра – это главное! Дай мне дурака повалить, пока беден. Вот стану миллионером – придется за ум взяться.

– Ух, ты меня успокоил... – выдохнул Сергей. – Значит, все по плану. Помогу тебе, внесу свою лепту! Зинки завтра не будет. Она ко мне тут подходила. Увезу ее в город. Сдалась, похоже... Выкипела кастрюля.

– Вот и первые плоды моих трудов... Тебе самому чего там делать?

– Эти полуграмотные азиаты опять накосячили. Ничего сами не могут. Кошмар один, а не ремонт.

– Наши лучше делают?

– Да не сказал бы. Набирал я разных. И русских, и гастеров. Мастера есть везде. Любо дорого посмотреть. Но таких днем с огнем, как говорится. Большинство, если над душой не стоять – одинаково, тят-ляп. Наши горбатого лепят из-за разгильдяйства. Живут одним днем. Лишь бы штукатурка не посыпалась, когда дверь хлопнут. Хотят поменьше работать и побольше получить. Дети степей стараются, денег больших не просят, но берутся за любую работу. Делают, как однажды показали. Его бы обучить хорошенько, так прям китаец будет. Хорошо и недорого.

– Наши не могут хорошо? – поинтересовался Петр, выливая в стакан остатки самогона.

– Могут. Аппетиты надо умерить. Но учить и воспитывать не мое дело. Сразу результат нужен. Вот и кручусь...

– Ты надолго в город?

– Пока не разберусь. На неделю. Может, на две... Тебе что надо?

– Нет. За хозяйством приглядеть?

– Спасибо. Лизонька останется.

Выпроводив наглого соседа, решившего что хозяин сбрендил, Петр завалился на кровать. В его хмельной голове родился еще один план. Петр поймал себя на мысли, что конфронтация с сестрами порядочно измотала его. Он устал, попался на удочку, а ведь Серый ничего конкретного не обещал. Единственная радость – свой кусок земли. Здесь он воплотил детские мечты – занятие сельским хозяйством. Корова скоро начнет давать молоко, пчелы – мед. Еще бы Петру получить порцию женской ласки... Опостылевшая жена пропадала в городе, а из всех деревенских зазнов оставалась лишь хозяйка соседнего двора.

– Уезжай с Зинкой, а тебе покажу, кто тут сумасшедший, – бормотал засыпающий Петр. – Пора тебе, бычку, рога отращивать.

Глава 5

Студенческие годы остались для Маши позади. Беззаботные подружки, оплаченные коктейли, кавалеры и свадьба на последнем курсе – все это сохранилось лишь в воспоминаниях. Взрослая жизнь обнажила всю наивность и неспособность новоиспеченной семьи к самостоятельности. Жить у мужа абсолютно не представлялось возможным. В скромной двухкомнатной квартире проживали его родители и сестра. У Маши пьющий отец гарантировал молодой паре отсутствие семейной идиллии. Аренда квартиры требовала ежемесячного взноса, а вчерашние студенты не могли рассчитывать на высокую оплату труда. Бытовые трудности не добавляли романтики – Никита требовал ужина, особенно после брачных утех. Непривередливость в еде не могла тянуться вечно. Стиральная машина лихо прокручивала белье, но с грязной посудой и пылью приходилось бороться с закатанными рукавами.

Скоропостижный развал фирмы, где работали начинающие менеджеры, нанес серьезный удар по молодой семье. И если Никита все же нашел работу, почти по профессии, то Маша получала вежливые отказы. Колочая реальность озлобила ее, поселила зависть к успеху и самодостаточности других. Мать волевым решением увезла дочь на лето в деревню. И вот теперь, почти в сумерках, под открытым небом Маша стояла посреди поля с лопатой в руках. Она привыкла к фастфудовской поджаренной соломке. Сажать и окучивать натуральный продукт не входило в ее жизненные планы, но увольнение с работы и материнский авторитет заставляли выходить на бескрайние просторы с вилами и лопатой.

– Все. Мама, нет больше сил моих, – взмолилась дочь. – Сколько можно копать?

– Картошка требует любовь и ласку. Окучивай. Осенью спасибо скажешь, – мать задорно воткнула вилы в землю-кормилицу.

– Если бы мы копали в глубину с таким же энтузиазмом, то...

– ... вылезли с другой стороны Земли?

– Нет, мама. Сгорели бы в раскаленной магме!

– Сразу видно университетское образование доча получила.

– Вот окучиваю картошку. За что мне все это?

– Все твои подружки после школы пошли в техникум на поварих и парикмахершей. Если бы я тогда тебя не остановила, то до конца своих дней супы варила или с ножницами плясала. Помнишь, как ты поступала? – мать решила указать дочери

ее место. – Мне кажется, что это я поступала, а не ты... Вся твоя учеба, Маша, тоже стоила недешево. Так что копай. Молодому организму физическая нагрузка только на пользу. Другой работы ведь все равно нет.

– Мама! Ну зачем об этом?! Ты же знаешь, мне неприятно это слышать. Да, я потеряла работу. Фирма развалилась. Я-то в чем виновата? Хорошо, что Никита нашел работу.

– Так бы оба и дальше сидели у меня на шее.

– Ты сама притащила меня сюда! Я, словно колорадский жук, сижу на картошке вместо того, чтобы искать работу.

– Летом ты ее не найдешь. Всю весну искала – без толку. Здесь от тебя хоть какая-то польза. Нечего бездельничать в городе!

– Мне что, тут до конца лета торчать? Мама, мы так не договаривались! – Маша недовольно воткнула лопату в землю.

– Мы никак не договаривались! Нам всем тут лучше, чем в городе. Что ты там забыла? Никита живет дома и к тебе приезжает на выходные.

– Вам... Ты и тетю Олю имеешь в виду. Ты всегда ее слушаешь и делаешь, как она хочет. У тебя нет собственного мнения!

– Ты очень сильно преувеличиваешь! – мать оперлась на вилы. – У меня на все есть собственное мнение. Ольга – старшая сестра. Ее мнение важно для меня. Иногда оно совпадает.

– Иногда?.. – издевательски переспросила дочка. – Да всегда... Мнение дяди тоже важно? Что-то ты его не слушаешь! А он среди вас самый старший.

– Петр живет отдельно. Он не в себе. Мы не общаемся. Кто будет прислушиваться к психически нездоровому человеку? Ольга все правильно говорит. Я прислушиваюсь к ее словам, но не более того.

Маша не стала дальше спорить с матерью. Ее больше интересовала возможность улизнуть из ненавистой деревни.

– Неужели все лето в глуши? И нет способа уехать?

– Что тебе здесь не пожить? – мать никак не могла понять дочь. – Спать есть где, не голодаешь... В детстве уезжать не хотела. С боем забирали от бабушки с дедушкой.

– Все не то. Я уже выросла. Смешно полагать, что ум взрослого человека будут занимать те же мысли, что и фантазии маленькой девочки. Мой муж не скачет на белом коне. И живу я не в замке. Начни еще вспоминать, что когда-то мечтала стать стюардессой.

– Я – твоя мать. Ты для меня всегда останешься ребенком.

– Мама, а если ночевать нигде будет или есть нечего, то я смогу уехать?

– Что значит «нигде будет»? Места полно. Не голодаем, чай не в Африке живем...

– К нам больше никто не приедет?

– Кто может приехать? Лешечка со своей любовью на моря уедет. Твой работает, Анатолий тоже. На выходные им есть где спать... Это зимой раньше на печке спали или рядышком, чтоб теплее было. Летом в избе можно и на полу...

– На полу – шикарный вариант. Как собаки...

– Ладно, на сегодня хватит, – сжалась мать. – Уже темнеет. Пойдем домой, – разогнувшись, Анна закричала и схватилась за поясницу.

– Говорят, на полу спать полезно.

* * *

На плите шипел ужин. Старательно замаринованное мясо томилось в старой эмалированной кастрюле. Ольга сидела на веранде и раскладывала пасьянс. Завтра при-

езжал муж обшивать веранду. Заботливая жена рассуждала чем бы еще занять родненького на следующих выходных, когда в избу ввалились уставшие сестра с дочкой.

– Опять не разложился, – Ольга смешала карты. – Сплошное невезение. Накопались? Садитесь играть. Сгоняем партейку перед ужином.

– Во что? – Анна и Маша с охами опустили на стулья.

– В дурака. Больше мы ни во что не умеем.

– Только по правилам играть, – заявила Маша. – А то я вас знаю!

– Это как?

– Подкидывать по очереди, а не как вы, вразнобой, – пояснила Маша. – Пока я не скажу «бито» – никто не подкидывает.

– И ты подкидывай. Кто мешает?

– Так неинтересно. Хаос сплошной. Не игра, а черт знает что!

– Тебе в любви уже повезло, – успокоила мать. – Может, и в картах повезет. Что еще вечером в деревне делать?

Ольга тщательно перемешала колоду и сдала по шесть карт.

– У кого шестерка? Признавайтесь.

– У меня, – довольная Маша показала крестовую карту.

– Ходи под меня.

– С удовольствием.

Маша зашла с двух карт, но тетя отбилась.

– Ну, больше нет?

– Мама?

– Бито.

Генеральши пополнили войска.

– Мой ход, – Ольга выбирала между черными семерками и красными восьмерками. Старшая сестра играла спокойно, в удовольствие. – Вот так.

– Этим мусором нас не испугаешь, – Анна отбивалась от семерок лихо, не жалея козырей.

– Бито, – сестра отступила.

– У меня нет, – Маша расстроилась. Играли по правилам, но подкинуть ей было нечего.

Игроки в очередной раз пополнили карточные секстеты.

– Ну, доча... – Анна всегда играла вдумчиво, следила за вышедшими картами и сделала осторожный ход.

– Отобьюсь. Тузы. Что скажете?

– Заметь, играем по правилам, – подметила тетя. – Как ты и хотела.

– Я это ценю. Так играть логичнее. Правила приближают дурака к серьезным играм. Не бридж, но все же...

– У нас тут свой бридж, – тетя на секунду задумалась и подкинула карту. Колода худела, а на руках скопилось много мусора.

– Туз! Козырь! – ахнула Анна.

– Карта плохая, – оправдывалась сестра. – Нужен ход.

Маша нервно забрала карты.

– Кстати, я тут днем подумала, – Ольга обратилась к играющим. – Надо будет жалюзи повесить на те окна. Вечно туда светит солнце. Занавески не спасают.

Ольга выкладывала карты на стол. Анна отбивалась.

– Правильно говорить жалюзí, – Маша поправила тетю. – Слово французское.

– Ну и что? – не поняла тетя. – Говорю-то я его по-русски. Жалюзí?.. Жалюзí... Жалюзí... Неудобно. Кто решил, что именно так нужно произносить? Есть?.. Бито.

– Филологи. Специалисты, знающие и берегущие родной язык.

Сидящие за столом разобрали последние карты. Наступило время развязки.

– От кого? Повезло тебе, сестра, козырь твой, – порадовалась Ольга за сестру.

– У меня четыре валета, и все козырные, – Анна отправилась на дочь холопским походом.

– Всё по-другому переделывают, – согласилась мать. – Бейся, доча. Раньше всегда говорили: деньгами. Сейчас – деньгами модно. По телевизору и стар и млад, и бомж, и профессор – все говорят деньгами. Так до революции говорили. Еще наши деды и бабки.

– Сейчас бабки лежат в кошельке. Эти твои филологи сами не знают, что хотят и промеж себя договориться не могут. Специалисты... Возьми хотя бы йогурт. Так теперь бери йогурт! И кофе – среднего рода. Не удивлюсь, у твоих филологов скоро чай будет женского.

– Чай не может быть женского рода... – Маша зыркнула на игроков. – Всё? Ни у кого нет? Отлично...

Маша лелеяла надежду скинуть все карты, но Ольга стойко держала оборону, однообразно выкладывая королей.

– Может или нет, пускай молодежь решает. А я на окнах жалюзи повешу... Мужских рук не хватает. Толик работает. Он у нас один рукастый. Уже на пенсии, а пашет на двух работах. Есть добрые люди – дают пенсионеру работу. Хотя молодежь такая... Ей у нас дорога, а старик без работы не останется.

– Он у нас вообще один. Мой-то спился окончательно, – смирившись с судьбой, делилась Анна наболевшим. – Неделю, правда, в рот не брал. Работу нашел. Но это пока деньги в руки не попали.

– Маша, есть?.. Не на что было пить.

– Ну, – согласилась сестра. – Хочет к матери уехать.

– Вот так! – Ольга была полна решимости завалить сестру, но у Анна оказалась крепким орешком.

– Я вышла!

В игре остались тетя с племянницей.

– Маша, у меня одна карта!.. Жаль наша Зинка укатила. Играли б два на два...

Маша не знала какую карту выбрать и кинула наугад.

– О, впакала! – завизжала тетя. – Спасибо!

– Впакала?

– Так говорила твоя бабушка. Что значит – вмастила. Молодежь!

– Вечно Вы со своими словечками. Опять осталась. Больше не хочу играть! Не везет... Сегодня дискотека в клубе.

– Играли по твоим правилам. Ужинать давайте.

– Я не буду, – отказалась Маша.

– В Приезжево дискотека? – Анна убрала карты в сервант. – Ты же на поле умирала!

– В кое-то веки отдохнуть можно по-настоящему! – огрызнулась дочка. – Ребята обещали подкинуть.

– Иди, – одобрила мать. – Только проверь белье. И потом закрой ворота.

Маша вышла на улицу. С ненавистью осмотрела двор. Она представить себе не могла, что когда-то девочкой здесь проводила лето. Целый год ждала летних каникул. Неужели любила прятаться с девчонками в старом сарае, валяться часами в гамаке?! Вспомнила, как пошла с мальчишками за грибами, никого не предупредив. Заблудились, под дождем вымокли. Всей деревней их искали. Вот тогда от бабушки влетело! Но чудесные времена уже не вернуть. Сказка закончилась. Бабушка умерла, дед утонул. Их сожгли и закопали... Маша потрогала развешанное между березами белье. Вдруг за углом избы скрипнула калитка. Маша тихонечко вы-

глянула и увидела дядю, под покровом опускающейся темноты крадущегося осторожно, озираясь по сторонам, в руках держа бутылку. К соседке...

– А мы его считали сумасшедшим! Хорош псих! Сосед в отъезде... Ну дела... – усмехнулась Маша и вернулась в дом.

– Проветрилась? – встретила вопросом мать вернувшуюся дочь. – Что на дворе?

– Почти стемнело. Ночь будет темной. Белье влажное еще. Пусть висит. Утром снимем. Я пойду в клуб... Видела дядю. Шел с бутылкой в гости.

– Что ему еще делать? – вздохнула мать. – Пошел по деревне искать собутыльников.

– Слишком уж целенаправленно шел. Словно бык к...

– Куда?

– Не знаю, – смутилась Маша. – Шел прямо, там... Видимо, знал куда.

– В Чертовидово двинул, – угадала Ольга. – Излюбленное место для алкашей. Там самогон самый дешевый. На прошлогодней картошке настаивают.

– Еще скажите, что именно поэтому деревню так назвали! – буркнула Маша.

Глава 6

Петр стоял у двери в соседский дом. Поджилки ходили ходуном. Как все пойдет? Иногда думаешь так, а все складывается иначе. Петр не мог похвастаться обходительностью в общении с барышнями, его манеры оставляли желать лучшего, и при завоевании женских сердец изысканности фраз он предпочитал прямолинейность зоотехника. Исходя из собственного сельского опыта Петр понимал, что сорвать молодильное яблочко соседской женушки сразу не получится – слишком высоко висит. Но время сходить за лестницей у него есть. Сосед не завтра возвращается. Спрятав бутылку в карман, Петр постучал в дверь.

– Хозяйка! Открывай!

– Кто там? – раздался вскоре знакомый голос за дверью.

– Сосед.

– Петр, ты? Что нужно?

– Я, конечно! – усмехнулся Петр. – Сергей просил зайти.

– Так он же в город уехал. Будет неизвестно когда... Позвони ему.

– Я знаю. Дверь открой. Не могу же я орать на всю деревню.

Лиза открыла дверь. Домашняя, слегка встревоженная, стоявшая на пороге распахнутого дома, она казалась Петру еще заманчивее.

– Так что случилось?

– Мне нужен твой совет.

– Сейчас? Ночь на дворе. Утром мой совет тебе не поможет?

– Бессонница меня замучила, – пожаловался Петр. – Сил нет. Твой муж намекнул, что ты поможешь. Я ненадолго.

– Намекнул, просил зайти... – жена Сергея не понимала соседа, но Петр выглядел трезвым и вполне безобидным. – Ну, раз так... Проходи.

Петр зашел в дом и сел за стол. В каждой детали окружающего интерьера чувствовалась женская забота. Кружевные занавески на окнах, перемытая посуда и натертый пол умилили ночного гостя.

– Нужен твой женский совет, – Петр замялся. – Стесняюсь говорить. Неловкость сушит горло. Давай чего-нибудь выпьем!

– Да у меня нет, – растерялась хозяйка.

– Я так и думал. У меня есть, – сосед проявил находчивость и из-под мышки выудил бутылку. – Давай стопку. Две...

– Ты подготовленный пришел в гости, – Лиза почувствовала, что теряет контроль над ситуацией. – Я не буду.

– Ты поставь – я налью. Можешь не пить. Я не алкоголик, пусть у тебя будет наливо. Без закуси обойдемся. Хочу с тобой поговорить. Разговор накопился. Хочу с сестрами помириться, – Петр изобразил на лице беспокойство.

Лиза молча достала стопки из деревянного буфета и села за стол напротив Петра.

– Да уж, вопрос действительно неотложный... На ночь глядя будем родственные отношения решать. Ольга говорит, что это ты воду мутишь. Наследство тебе голову вскружило. Требуешь все себе одному...

– И что я сумасшедший?

– Да.

– Ты же видишь, что не сумасшедший. Они против меня ополчились. Я – жертва их жадности. Ольга гоняет Толика из города каждый выходной, у Аньки муж почти спился. Зинкин, сама знаешь, напился и под комбайн попал. Ее понять можно, без мужика ей тяжело. Но мне без них тоже тяжко. Я им нужен. И они мне. На пустом месте рассорились. Как подумаю – резь в сердце... Вот как подступиться – не знаю...

– Родные сестры все-таки. Не знаю, чем помочь... Надо вам сесть и поговорить. Обсудите всё спокойно, без этого, – Лиза кивнула на бутылку. – На трезвую голову. Неужто не найдете общего языка?

– Да... Попробую... – вздохнул Петр. – Должны сестры понять своего брата. Но понимаешь в чем дело... Мне не их жалко, а тебя, Лизонька.

– У меня все хорошо, – возмутилась Лиза. – Мой муж при мне. Вот только поехал по работе в город. Что меня жалеть?

– Это про Сергея и Зинку.

– Что с ними? Что-то случилось в дороге? – залепетала молодая жена. – Мне Сергей не звонил...

– Не знаю... Может быть... Да нет, Зинка трусиха, – разулыбался Петр. – Потерпят до города.

– Не пойму я тебя...

– Что же тут непонятного?! По-моему, все предельно ясно. Моя младшенькая сестренка и твой муженек крутят любовь! – выпалил Петр «домашнюю заготовку».

– Любовь?! Ты с ума сошел, Петр? Что ты такое говоришь... – опешила Лиза.

– Я-то нет. Это ж не у меня шуры-муры с моей сестрой! А вот твой муж – да! Это – чистейшая правда! Причем не от сестер, как ты понимаешь, а из первых уст. Мне все это рассказал твой собственный муж. Пьяный разговор. Помнишь, ты ему еще тогда куртку принесла. Мы сидели за столом во дворе, выпивали. Вот тогда Серега мне все и рассказал. Я своим ушам не поверил! На тебя тогда посмотрел – ты такая... А тут все подтвердилось. У Сереги аж глазища горели... Как можно от такой женщины налево бегать?

– Да не может такого быть! На меня ушат холодной воды вылил! Я тебе не верю!

– Сергей твой давно на Зинку смотрел! Медовое яблочко есть приятно, но ведь и антоновку иногда хочется укусить.

– Заявляешься среди ночи под благовидным предлогом, мужем прикрылся, совета хотел, а сейчас очерняешь его... Ты сошел с ума!

– Вот и ты туда же, – Петр махнул рукой. В любой момент он может кинуться на соседку. Что с него взять? Псих. Только муж не поверит. – Выпьешь?

– Пей один.

– Ну, смотри, – Петр сделал глоток. – Я все это тебе говорю, потому что нет сил молчать. Как тебе дальше вести себя с мужем – дело твое. Я лишь хочу, чтоб ты мне доверяла. Врать мне нет смысла...

– Я ему позвоню, – Лиза вскочила со стула.

– Зачем?! Меня не выдавай! – взмолился Петр. Вся затея повисла на волоске. – Я в ваши дела не лезу. Муж твой все отрицать будет. И Зинка. Они над тобой смеяться будут! Меня – ненавидеть! Сестры и так отделились, а если позвонишь – от меня все отвернутся. Тогда хоть в речку иди топиться. Я бы тебе не изменял...

– Петр, иди домой! – попросила Лиза. – Поздно уже... Подумать мне надо. Одна хочу побыть.

– Давай еще посидим... Мое горе обсудили. Твоя очередь... Ты мне советом помогла, я тебе тоже... Мы с тобой товарищи по несчастью. Должны вместе держаться, – Петр пододвинулся со стулом к Лизе.

– Петр, иди домой, – чуть слышно произнесла брошенная жена. – Худо мне, товарищ по несчастью... Иди, иди. Оставь меня одну.

– Вот тебе раз! Зачем тебе одной оставаться? – Петр приобнял стоявшую жену соседа за талию, но Лиза увернулась и схватила скалку.

– Уходи!

– Горяча... Придется допивать одному... – Петр забрал бутылку со стола. Дело сделано. Рыбка клюнула. Осталось только подсечь. – До завтра... Я к тебе загляну.

Петр возвращался домой победителем. Он не сплеховал в нужный момент и ловко провернул непростое дельце.

Лиза закрыла дверь, обмякшая, опустилась на стул и залпом осушила стопку.

Глава 7

Темнота сгустилась над Рублёвом. Гордые аисты задремали в гнездах, небо заняли пищащие летучие мыши. Вдоль большака засемили вороватые енотовидные собаки.

Маша вернулась с проклятой дискотеки. Сельский клуб, наполненный незнакомыми малолетками, безразлично отшвырнул городскую красоту. Коктейли местного розлива не поспособствовали сближению – она для нового поколения уже стара...

Маша чувствовала достаточно энергии в теле чтобы не пойти спать. Она решила еще немножечко выпить и курнуть. Бабушкины запасы всегда хранились на чердаке. Маша тихонечко заглянула в избу, прислушалась. Тишина. Только в углу беззащитно сопела мать. Бесшумно забравшись по лестнице на чердак, распахнула окно.

После смерти бабушки технология приготовления наливок оказалась утеряна. Ни брат, ни сестры не смогли утопить спиртовую жгучесть в черноплодно-сахарной эссенции, сохранив густоту и цвет напитка. Спиртометром бабушка не пользовалась, но наливки сбивали с ног здоровенных мужиков. Наутро те просыпались младенцами.

Пригубив аромата прямо из бутылки, Маша закурила у окна, скидывая пепел в старую консервную банку. Все, к чему она привыкла, осталось в прошлом. Было! И рассыпалось в прах. Вернуть минувшее невозможно. Осталась только ненависть к настоящему. Маша, прихлебывая из бутылки, рассуждала о необходимости побега в город – во чтобы то ни стало вернуть привычный образ жизни. Пришла пора положить конец материнскому надзору, решила Маша, как к горлу подступила предательская тошнота, вероломно вмешавшись в чердачные размышления. Во избежание конфуза Маша кинула недокурную сигарету в банку и побежала вниз.

Пока Маша в деревенском туалете энергично освобождала желудок, легкое дуновение ветра прикрыло раму чердака. Консервная банка с дымящейся сигаретой зажигательной бомбой полетела вниз. Туалетная экзекуция – мероприятие утоми-

тельное. Прополоскав рот водой из умывальника, Маша посидела на скамейке, пока не пришла в себя. Перед тем как отправиться спать, решила замести следы бесчинства.

Вернувшись на чердак, Маша ужаснулась: горели сложенные газеты и старая одежда, валявшаяся на полу около окна. Необычная картина мгновенно и окончательно отрезвила. Инстинкт самосохранения призвал кинуться на тушение губительного пожара, но вдруг Маша в этом разгорающемся костре ясно увидела спасительную выгоду. Беспощадный огонь с аппетитом пожирал сухую древесину. Маша любовалась величием и красотой огня! Языки пламени должны были вернуть ее к нормальной городской жизни. При Машинем невмешательстве разгоралось быстро, но она никому не желала зла... Всего лишь хотела навсегда уехать из деревни. Когда огонь охватил весь чердак, Маша кинулась вниз, включила свет и стала расталкивать спящих.

– Пожар! Да просыпайтесь же! Мама, тетя, вставайте! Пожар! Чердак в огне! Вставайте!!! Хватайте документы и бежим на улицу! – истошно орала Маша.

Сонные обитатели горящей избы не сразу оценили масштаб бедствия. Щурившись от света, пытались понять происходящее, пока едкий серый дым просачивался через щели на потолке. Осознав, наспех похватали одежду, документы, с перекошенными лицами выбежали на улицу. Вызвали пожарных.

– Я возвращалась с дискотеки и увидела огонь! Уже не потушить!

– Может, что-то вынести? Пока не поздно? – предложила мать.

– Ты что, мама! Вдруг все рухнет?

– Все горит. Конец дому. Как же так? Ни с того ни с сего... – ахала Ольга. – Все сгорит дотла. Что там могло загореться?

– Да проводка замкнула и все... Дерево сухое, старое... – Маша не могла оторвать взгляд от чарующего вида. Огонь полностью овладел избой.

– Где наш брат? – Ольга судорожно оглянулась.

– Тетя, не волнуйтесь! Я же видела, как дядя уходил с бутылкой в сторону соседней деревни... – успокоила Маша. – Пошел пить со своими алкашами... Успокойтесь, главное все живы.

– Слава богу! Хоть никто не пострадал! Ой, Машенька, если бы не ты... Спасла! Ангел наш!

Вдруг из темноты выскочила ошалевшая Лиза.

– Соседи, вы горите? Пожарных вызвали?

– Вызвали... – Ольга махнула рукой. – Что толку в пожарных? Пока приедут – все сгорит!

– Вы одна? – удивилась Маша, оглядывая соседку.

– Одна... С кем же мне быть? Муж же уехал... Не спалось... Смотрела телевизор – в окне увидела огонь.

Ошарашенная Маша судорожно пыталась понять происходящее.

– А где ваш брат, Петр? – Лиза словно озвучила Машини мысли.

– Пошел пить к алкашам. Водка отвела от него беду... – тихо ответила Анна. – Хоть какая-то от нее польза.

– Да?... К алкашам?... Продолжать?... – Лиза попыталась выстроить логическую цепочку. – Ну, слава богу!

– Вы точно одна? – Маша была в шаге от страшного вывода.

– Не пойму я тебя. Что за вопрос? Дыму надышалась? Я одна! Кого еще ты хочешь видеть?

– А дядя мой?

– Зашел ко мне. Наговорил гадостей... Так я его выпроводила. Мечтает с вами помириться. Особенно с Зиной. Думала, он спать пошел...

Маша опустила на колени, схватилась за лицо и зарыдала.

– Машенька, не убивайся ты так! – тетя принялась успокаивать племянницу. – Это всего лишь дом. Старая изба. Поставим еще богаче. С жалюзьями...

– Да что случилось, доча? Успокойся! Ты пьяна?

– Это шок! – успокоила Лиза. – Я про такое читала. Все образуется. Придет в себя.

Чудовищный костер озарил Рублёво в эту ночь. Оранжево-желтый огонь играл на лицах, обдавая жаром, беспомощных сестер. Подходившие односельчане охали, причитали. К полыхающей избе подъехали две красные машины с синими маячками. Пожарные раскинули по сочной зеленой траве грубые брезентовые рукава, но уже ничего нельзя было изменить.

Глава 8

День выдался ясным и безмятежным. Небеса не плакали. Только ветер копошился в кронах деревьев. Пока мальчуганы, вооруженные пиками и острогами, стерегли добычу у порога Великой, их деды и бабки поминали добрым словом сгоревшего. Поднимали рюмки за верного мужа, любящего отца, настоящего хозяина.

Похоронили Петра рядом с матерью, на пригорке. Местная полиция состава преступления не увидела. Одним сгоревшим алкашом больше, одним меньше. Огненная стихия пожрала все, выдержали только стены сарая, сложенные из речного камня.

После поминок сельчане распозлились по домам. За деревянным столом вспоминать прошлое остались две сестры.

– Ты не находишь этот стол странным? – Анна поделилась своими опасениями с сестрой.

– Чем же?

– Каждый раз, когда я сижу за ним, меня тянет выпить.

– За этим столом еще наш отец пил.

– Вся деревня к нему приходила. Мать не ругалась, понимала.

– Если б не понимала, так, может, жив был бы... Помнишь, как мы сюда приехали в ожидании лета? – спросила Ольга младшую сестру. – Хотели отдохнуть, перестроить тут все.

– Погода стояла шикарная. Солнечно, зелено... Ты, помнится, хотела красить забор. Петр встретил нас выпивший...

– Так нам обрадовался... Я аж оторопела от его гостеприимства. Как нелепо, глупо все вышло. Сгореть пьяному в родном доме, где когда-то родился.

– Судьба... – горестно вздохнула Анна.

– Судьба? – переспросила Ольга. – Сам всю кашу заварил... Отделился от родных сестер, досаждал, как мог... Что не жилось? Так и погиб, не сказав последнего слова. Лена его отказалась от своей законной доли. Больше сюда не приедет. Зина носа не показывает, а нам надо жизнь налаживать. Лизе – спасибо, приютила обездоленных, но не можем мы злоупотреблять ее гостеприимством. Новый дом надо ставить. Просторный, светлый, чтоб всем места хватало вдоволь.

– Оля, я знаю тебя. Этот разговор ты начинаешь неспроста. Уже все решила и хочешь построить дом для всех?

– Ну а как? Ты что, не хочешь? Тут хочешь, не хочешь, а надо...

– Даже не знаю... – Анна потупила глаза. Пришло время сказать старшей сестре то, что так тяготило ее последние дни. Сгоревшая изба подвела черту... – Я долго думала и закралась у меня сомнения. Один ставить или два...

– Зачем два? – не поняла Ольга. – Все в одной избе жили. Небольшая, но родная... Поставим дом, со временем и он нам всем родным станет.

– Это она, Оля, нам была родная. Нашим детям уже не очень... Что мы внукам оставим, дай бог, многочисленным? Один новый родной дом на всех? Я думаю, надо не о себе думать! Выбрать места, и каждой собственный дом ставить. Всю жизнь работали – неужели на старости не заслужили по своему углу?

– Когда отсюда уезжали на телеге, вместе в городе жилье снимали... И по коммуналкам помаялись. В городе каждая в отдельной квартире живет. У меня, у тебя, у Зины свои семьи, дети. Но это все там, в городе. Почему здесь мы не можем жить по-прежнему, как когда-то? Слово какой-то слепень тебя с братом укусил. Откуда у вас эта зараза отделения? Родные люди должны держаться вместе. Леша живет с нами в городе. Женится – приведет молодую жену к нам с Толиком.

– И будут две хозяйки на кухне, – Анна с недоумением взглянула на старшую сестру.

– Ну и что такого? Потеснюсь. Будем помогать друг другу. Я невестку научу готовить. Кому как не мне знать любимые блюда ее мужа, его привычки и желания.

– Дочку растят для себя. Сын уходит в другую семью. Так всегда было. Хотя молодым лучше жить отдельно!

– Брат жил отдельно. Вон чем все кончилось.

– Зачем ты так драматизируешь? Ничего страшного ведь не происходит. Каждый день будем друг к другу в гости ходить.

– К родной сестре в гости! Дожили. Тем более что мы ведь здесь не круглый год живем. Одни приедут, другие уедут. Зимой вообще пусто. На Новый год каждой свою избу топить? Отдельные дома – это ведь совсем лишние траты! Поставим один, всем места хватит.

– Вместе – дешевле, но нет ничего хуже общего наследства, – Анна не сдавалась. – Мы с тобой невечные. Неужели ты хочешь, чтобы наши дети прошли через те же испытания, что и мы? Соберутся на поминки и начнут делить просторный, светлый дом. Зинкин еще придет...

– Наши дети будут умнее и мудрее. Они уже лучше нас. Каждое поколение учится на ошибках предыдущего. Так что за них не стоит переживать. Наломают дров, пока молодые... Не без этого... Но наших ошибок не повторят.

– Хорошо бы, – согласилась Анна. – Но если б так и было, то все мы, люди, жили бы совсем по-другому. Гораздо лучше! Умные учатся на ошибках других, но таких мало... Обычное большинство учится на своих ошибках. Мир еще полон дураков, которые вообще игнорируют обучение. Родительская слепая любовь заставляет верить в лучшее. Дай бог, чтоб нам не обмануться в наших детях! Но ведь нет никаких гарантий, что твой сын не пойдет по стопам дяди.

– Не пойдет! – отрезала Ольга. – Леша вообще не пьет. И как ты можешь их сравнивать...

– Мы все этому безмерно рады! Жизнь длинная... Мы даже и не мечтали, что будем жить в городе, а дети наши университеты позаканчивают. Засыпали в доме, а проснулись на пепелище. Могли и не проснуться. Сидели бы с тобой на облаке. И строить ничего не надо. Святым духом питались.

– Вижу, тебя не переспорить... – обессилила старшая сестра. – Делай, как знаешь!..

Глава 9

Сергей, сигналив, подъезжал к родному дому. Трава приветливо шуршала по брюху автомобиля, но с момента его отъезда в город что-то произошло в деревне. Последнее время любимая жена холодно, через силу разговаривала с ним по теле-

фону. Объяснений этой отчужденности он не находил. Сергей возвращался к жене словно побитая собака. Последний раз мучительная тревога отравляла его существование позапрошлой весной — предстояло объясниться с женой, прожившей с ним в браке почти тридцать лет. Сергей признавался в измене и уходе из семьи к молодой любовнице. В том случае вина его была беспорной. Теперь же святой Сергей терялся в догадках. Тайком от жены он продолжал снабжать деньгами уже взрослого сына, но просочиться эта информация до Лизы не могла. Молодая жена хотела детей, но Сергей на старости лет опять погрязнуть в пеленках не имел ни малейшего желания.

— Лизонька, рыбонька моя, здравствуй! — запел Сергей, войдя в избу. — Я уж сигналил, сигналил, а ты не выходишь. Заработалась. Все по хозяйству хлопчешь. Наконец-то я тебя вижу.

— Приехал? — процедила Лиза сквозь зубы и, вооружившись ножом, принялась разделять тушку цыпленка. — Очень вовремя. У нас гости. Соседей приютила. Дел невпроворот.

— Да, ты звонила... — Сергей попытался поцеловать жену, но та отстранилась. — Не поцелуешь? Не рада мне? Что у нас случилось? Не пойму тебя. По телефону ни одного ласкового слова... Возможно, ты и права. Такая трагедия. Несчастный Петруша...

— Соскучился по женской ласке? Неужели?

— Соскучился! Безумно! По тебе! Вырвался сюда с огромным трудом. На работе полный завал, а я здесь, с тобой...

— Завал у него... На кого? Новые малярши появились? — Лиза содрала с цыпленка кожу.

— Что ты говоришь?.. Да какие малярши? Азиатов нельзя на день оставить. Все вкривь да вкось. Клиент бушует, грозит! Полное сумасшествие!.. Устал с дороги. Ты еще явно не в духе...

— В дороге устал туда или обратно? Зинка утомила? — Как всякая женщина, оставленная наедине со своими мыслями, Лиза погрузилась в раздумья. Безобразная соседка Зина не могла быть объектом плотских желаний Сергея, но ведь и его бывшая жена тоже не слыла красавицей. Эмоциональные качели порядком утомили Лизу. Она не знала что делать, спустить с мужа шкуру или смеяться над неудачной шуткой сгоревшего соседа.

— Зина, конечно, между нами говоря, глупа. Мелит всякий вздор. И, ведь главное, без умолку. Как будто ей кто-то с детства запрещал говорить. Села в машину и давай... Ей следовало бы запретить болтать до конца света! Как минимум... Можно подумать, мне интересно слушать малярские байки о переселении душ! Или о ее способностях по запаху определять цвет краски. На ее примере я убедился, что пары всех этих красок крайне негативно влияют на мозг человека.

— Женская глупость привлекательна для мужчин, — Лиза еле сдерживалась.

— Ну... если она сочетается с молодостью и хорошей фигуркой. Зина с диетой не дружит и родилась даже не позавчера. Если бы не Петр, земля ему пухом, я бы ни в жизнь не посадил ее к себе в машину.

— Петр тебя просил об этом?

— Не то что бы просил... Зина захотела уехать. Петр об этом сказал. Мне же в город. Вот и отвез, — Сергей опять попытался обнять жену.

— Отстань от меня! Не зли... — зашипела жена. — Совпало у него. Надо ж как ловко все излагает. Как будто не виноват ни в чем. Твое счастье, что я остыла. Попадись тогда под горячую руку...

— Так в чем я виноват?! — расстроенный Сергей отошел от жены. — Соседки у нас живут. Ты из-за них, что ли?

– Дом их сгорел. Жить негде. Пока построятся... За строителями глаз да глаз нужен, чтоб сделали все хорошо.

– Это мне хорошо известно, – махнул рукой Сергей. – Что здесь, что в городе, строители аховые.

– Сходи за водой! Прогуляйся с глаз...

Сергей покорно взял ведра и вышел во двор. После смерти Петра он долго размышлял над сложившейся ситуацией. Сергей не мог смириться с мыслью краха обогащения и решил зайти с другой стороны.

Лиза не успела разделить цыпленка, как в избу вошли сестры.

– Надо воды принести. Будем обед готовить, – предложила Ольга. – Спасибо тебе, Лиза, бомжей приютила.

– Что ты все меня благодаришь? – устало произнесла Лиза. – Соседям грех не помочь. Раньше бы всей деревней вам опять дом подняли. Нынче уж некому... Я мужа за водой послала.

– Муж к тебе приехал? Так значит, это он бибикал. Мы думали – автолавка... Вот это новость! – Ольга посмотрела на сестру. – Вечером спать пойдем в баню.

– С чего это? Тут и спите! Пусть он в баню идет...

– Так вам, наверное, есть что сказать друг другу? – улыбнулась Ольга. – Чего мы мешать будем? Вам поговорить надо... Давно не виделись... Разговор накопился...

– Не помешаете! Мой болтун еще тот... Болтает со всеми...

– Да я не о том... Мы у тебя и так приживалы. Еще и личной жизни мешаем.

– Глупости! Вы мне как родные. От греха убережете!

– С мужем это не грех! – не унималась Ольга. – Какой же это грех?

– Так, кажется, и убила бы его! Как его увидела, опять все внутри закипает...

– Если бы я своего Толика каждый раз убивала, когда он заслуживает, то воскресать не успевал бы. Вот убийство – грех!

– Пойду Машу позову. Пускай помогает суп варить.

– Оставь ее. Дочь твоя не в себе. Совсем не своя после всего... Она еще ребенок. Психика нестабильная.

– Боюсь я за нее. Не оставляйте ее без присмотра, – посоветовала Лиза. – Как бы чего не удумала...

– Что вы говорите! – ахнула Анна. – Взрослый же человек... Скоро у самой дети будут! Труд – лучшее средство от хандры. Отправлю после обеда траву за сараем косить. Утром другим человеком проснется.

– Так вот в чем дело! Уже ждете? – удивилась Лиза.

– Что же ты молчишь? Какая тогда трава?! – резонно заметила Ольга.

– Я не знаю! Это так, к слову... Вы меня не так поняли... – улыбнулся Анна. – Я в будущем имела ввиду.

– Смотри, не загоняй девку. Работа в поле не всегда полезна. Сами скосим. Мне уже после вредного производства ничего не страшно. Да и тебе, Аня, с осени в библиотеке сиднем сидеть. Разомнемся... Зинка наша чудит. На похороны брата не приехала. И на девять дней не обещала. Надо же начинать строиться. Толик приедет, будем дом выбирать. Ты где будешь ставить?

– На прежнем месте нельзя. Дурное поверье. Я бы у реки поставила, – выбрала место Анна.

– У реки и я бы поставила, – согласилась Ольга. – Весной ледоход, Великая разливается. Все снесет. Так что у реки никак...

– Я знаю. Мне чтоб вид на реку.

– Поставим два дома с видом на реку. Там как раз места хватит. Зинка не объявится, значит – пролетает!

Распахнув дверь, в дом ввалился Сергей с ведрами.

– Поставь в угол, – скомандовала жена.

– Вот и хозяин объявился! – Ольга широко улыбнулась. – Здравствуй, сосед.

– Здравствуй! С приездом! – раскланялась Анна.

– Хоть кто-то мне рад в этом доме! – Сергей поставил ведра, куда было велено. –

И что самое интересное – это соседи!

– Да уж скоро съедем, – успокоила Ольга хозяйина.

– Строители обещали начать без промедления и сдать все в срок, – заверила Анна. – Вот варианты подберем... Надо уже не избы ставить. Современное что-то. Хватит старыми избами жить.

– Да на что вам дома ставить? – Сергей принялся уговаривать сестер остаться. – Одни расходы! Живите у нас. Мы с Лизонькой гостей любим. Места у нас достаточно. Мы тут вдвоем. А с землей что-нибудь придумаем.

– В гостях только татары долго сидят! – отшутилась Ольга. – За гостеприимство спасибо, но нам надо обустроиваться. Без Зины, по-хорошему, нам не решить, но она не едет. По телефону такие дела не обсуждают.

– Нам всем без вашей Зины никуда... – Лиза сверкнула глазами. – Только сюда она вряд ли сунет нос. Придется вам без нее решать.

– Так, я за дочкой пойду или нет? – спросила Анна сама у себя.

– Я ее позову, – вызвался Сергей. – Все равно еще прогуляться надо, с дороги. Поясница устала, разомнусь. Полюбуюсь нашей красавицей, – для продолжения битвы за чужую землю ему был нужен новый резидент. И молодая, глупая девушка как нельзя лучше подходила для воплощения в жизнь его новой идеи.

* * *

В небе прибавилось аистов. Вылупившиеся, не выкинутые из гнезда оперившиеся счастливицы вначале суматошно парили над родительским домом, но пришло время пробовать свои силы в большом воздухе.

Маша сидела на травянистом берегу реки. Если раньше она мечтала покинуть эти места, то после случившегося, несмотря на все предложения матери, решила остаться. От ностальгии по детству не осталось и следа. Настоящее, происходящее в данный момент не могло вывести из ментального оцепенения. Даже аистовый помет, обрушившийся на проходящую под гнездом Машу, оставил ее равнодушной. Какой-то неведомый магнит был закопан в Рублёве. Словно собаке, посаженной на цепь, Маше оставалось молча хранить свой грех и выть от бессилия.

– Не помешаю?.. – Сергей присел рядом с Машей. – Река течет... Откуда берет начало? Никто толком не знает, а где кончается – всякому ясно. В озеро или море... Да-а-а-а... У человека вначале наоборот. Где родился и когда – всем известно, а когда и где кончится – одному Богу известно наперед. Течет себе и впадать не хочет... Пройдет время после кончины, и человек с рекой вровень. Все помнят день смерти, а уж когда там родился – неважно... Горе какое... Сгорел человек, заживо... Вместе с домом. Все наперекосяк. Как все могло бы чудесно обставиться. Все прахом... Даже не верится...

– Да. Уже ничего не изменить. Как ужасно...

– Зачем я уехал в город? Уехал и все... Остался бы, может все шло... Жив Петр... Но не разорваться ж мне! И здесь, и в городе. Ты как тут отдыхаешь?

– Отдыхаю... – Маша отвечала нехотя, через силу. – Как там город?

– Стоит. Что ему будет? Мусульмане новую мечеть строят. После работы грехи замаливать будут. Православные протестуют. Все при делах. Я считаю, что настоя-

щие герои нашего времени – атеисты! Да, да... Одни будут пить вино с Христом, другие курить кальян с Мохаммедом, а я после смерти буду кормить червей! При этом я сохраняю рассудок и работаю, как каторжный. Так кто из нас герой?

– Мне все равно, кто из вас герой! – Маша захотела, чтоб сосед исчез. – Мне своих бед хватает.

– Смерть дяди сильно на тебя повлияла... Настоящий мужик был. Хозяин... Не мог такой человек сгореть. Не верю я в эту проводку. Жена обмолвилась, что полыхало – не потушить...

– О чем Вы говорите? – вспыхнула Маша. – Несчастный случай же... Вы ж там не были, не видели всего кошмара.

– Кошмар... Говорят, что несчастный... Кто до правды под пеплом докопается? Мне не верится... Мысли в голове вертятся. Что скажешь? Может, Петру кто зла желал?

– Дядю все любили, хоть он и со странностями был...

– Любили?! – удивился Сергей. – Если б так, тогда не стали дом делить. Тетка твоя, Ольга, против брата пошла. Себе все прибрать захотела... А он – против. Вот и подожгла брата в отместку. Ведь все молодым должно доставаться.

– Тетя Оля? Как можете так говорить? Она не хотела этого!

– Я думаю вполне могла... Пусть полиция подумает покрепче. Пепел поворошит... Мотив у тети твоей был...

– Да ну что Вы?! Когда все загорелось, дяди не должно было там быть. Он же вечером к вашей жене пошел... – выпалила Маша.

– К Лизоньке? Вечером? Да ты то что несешь? От печали, видать, совсем свихнулась?!!

– Да я собственными глазами видела!

– Что ты видела? Что ты могла видеть? Ну? – у Сергея потемнело в глазах.

– Как дядя шел в тот вечер, когда Вы уехали, к Вашей жене. Но Вы ничего такого не подумайте! Она его домой отправила.

– Ты и это видела?

– Нет. Это потом выяснилось. Случайно. Ваша Лиза сказала на пожаре.

– Моя Лиза. Что она еще могла сказать! Удивительное дело! Теперь все ясно.

Сергей вскочил на ноги и быстрым шагом направился в сторону дома. «Пошел вечером в мой дом, а ночевать отправился к себе, – пульсировало в его голове. – Я-то старый дурак, злые дни, цветы завяли... Вот оно как!»

Маша виновато смотрела на удаляющегося Сергея. Опять она что-то не так сделала. Муж, наверное, поколотит свою Лизу, а она ведь ни в чем не виновата. Наболтала, дура, лишнего.

Утром Маша сделала тест – у них с Никитой скоро будет ребенок, о котором они так мечтали когда-то, но беременность оказалась совсем нехстати. Будущую мать мучили мысли об аборте. Маша не чувствовала новую жизнь внутри себя, но она уже зарождалась. Совершить ли еще одно убийство или оставить ребенка. Если стать матерью, то Маша молилась бы, чтобы родился мальчик. Имя она ему уже выбрала.

* * *

Побагровевший Сергей ворвался в дом.

– Лиза! Мне все стало ясно! Я узнал причину твоей холодности! Ты ничего не хочешь мне сказать?! – заорал Сергей. Сестры Ольга и Анна, помогавшие соседке на кухне, в спешке покидали заготовки и ретировались на улицу. Посторонним небезопасно наблюдать семейную драму, они всегда рискуют быть втянутыми в конфликт.

– Да ну что ты... Неужели? Вот удивил... Ты ее понял до меня... Это уж я после узнала... – жена продолжала хладнокровно помешивать суп. – И нечего на меня орать при соседях.

– Что ты меня за идиота держишь?! Любовник твой сгорел... Я-то, рогоносец, его оплакиваю.... Боже, как я смешон! Эта умалишенная, наверное, всем растрепала. Всей деревне... Последняя шавка смеется надо мной!

– Ты что, бузины объелся? Или в реке головой о камни ударился? Какой любовник?

– Издеваешься?! Приходил к тебе Петр той ночью?

– Откуда знаешь? Кто тебе сказал?

– Да об этом вся деревня знает! Еще и не отрицает... Совести нет совсем... Это ж надо! Боюсь даже дальше спрашивать, что тут происходило, пока я был на работе... – Сергей затряс в воздухе сжатыми кулаками.

– Мне нечего отрицать... – ответила, подумав, Лиза. – Приходил. Муж мой ука-тил развлекаться... Что ж мне, в брошенках сидеть? Нашла себе применение... Как там у тебя, набухает? – Лиза отпустила поварешку и похлопала мужа ладонью по лбу. – Чувствуешь прилив?

– Сдурела баба! Я работать уехал! – орал обманутый муж. – Деньги на тебя за-рабатывать. Тряпки тебе покупать... Чтоб ты себе ни в чем не отказывала... Как последний подкаблучник ни на кого не смотрю. Ни глазком... И получаю нож в спину!

– Зинке, небось, много купил? Как она тебе?

– При чем здесь Зина?.. Господи, что ты к ней прицепилась? – Сергей выпучил глаза. – Так ты думаешь?.. Какая несусветная глупость! И мне с Петром изменила? Отомстить решила.

– А что такое? Он мужчина хоть куда! Жаль вот, помер...

– Променяла меня на этого неудачника? Вот как ты мне отплатила? Благодар-ность твоя! Дура набитая... Про меня с Зиной придумала и решила отомстить?! Иди-отка! – Сергея пронзила острая боль в груди. Он замолк, судорожно схватился рукой за рубашку. – Больно... Как больно... – сжав зубы, Сергей жалобно взглянул на жену.

– Больно? Мне тоже было больно! Ничего, пережила. Как другим причинять боль – так ничего. Ты эту боль на себе почувствуешь! Врун, каких поискать. Клоун!

Сергей, теряя сознание, опрокинув стол, с грохотом повалился на пол. Лиза ки-нулась к мужу. Вбежали сестры.

– Вы так ругались, – произнесла Ольга. – На улице слышно. Что случилось?

– Схватился за сердце и вот упал...

– Господи, «скорую» вызывай! – приказала Анна.

Глава 10

В городе Зина отдалась позитивной энергии мегаполиса. Равнодушная прежде к театрам и музеям, она кинулась восполнять культурный пробел: посетила первые попавшиеся выставки и спектакли. Шекспир, согласно критической оценке Зины, «слишком уж жесток и кровав», а вот «Чехов и его сестры – словно живые». Полот-ница творцов эпохи Возрождения произвели на маляра неизгладимое впечатление. Негатив деревенской жизни, идущий по мнению Зины, в разрез с духовным разви-тием, остался в прошлой жизни. Просачивающиеся новости о смерти брата, пожаре, превратившем в труху свежевыкрашенный дом, только подчеркивали правильность выбора. От прежней Зины ничего не осталось, но обновленная глотком городской жиз-ни, она вдруг ощутила острое желание поделиться, продемонстрировать окружаю-щему миру свое новое «я». Кто как не близкие обязаны восхититься иной Зиной.

Родительский дом сгорел, сестры живут у соседей, но Зина никого не стала предупреждать о своем приезде. Ведь она ехала не к соседям, а к родным...

— Можно к вам? — Зина осторожно отворила дверь. — Извините, что без приглашения.

— Здравствуйте!.. Приехала? Вот те на... Не ждали, не гадали... Ну, проходи, коль совесть есть! — законы гостеприимства не позволили Лизе выставить причину ее беды на улицу. Она вдруг вспомнила о не подвязанных помидорах и засобиралась в теплицу.

— Вот решила к брату на сорок дней приехать. Остановиться негде... Сестры звали, да мне все некогда... Что-то их не видно... В огороде или на речке?

— У них свои огороды. Домики прикупили, рабочие ставят. Скоро уже заселяться можно будет.

— Вот те раз... Быстрые какие... Мне ничего не сказали. Ольга что-то намекала по телефону. Ну да ладно... Пускай ставят, коль барыши позволяют.

— Это уж ваши дела...

— Сергея твоего что-то не видно... Здесь иль в городе?

— Она еще спрашивает! — Лизино терпение подходило к концу. Болезнь мужа стерла из памяти его измену. Жена почти забыла произошедшее, но ворвавшаяся в дом неожиданная гостья опять раздула потухший костер. — Совсем совесть потеряла... Да и не было, наверное...

— Что-то ты все про совесть мою говоришь? — Зина уставилась на хозяйку. — Не успела я порог переступить, как ты на меня кричишь. Думала, шутишь. Так нет. Все взаправду.

— Муж мой в санатории. На реабилитации. Инфаркт у него.

— Прости, я ничего не знала, — от неожиданной новости Зина чуть не упала, присела на лавку. — Ты не волнуйся... Поправится. И на меня, пожалуйста, не кричи. Я же не виновата ни в чем. Наш дом сгорел, брат погиб... Все это ужасно... Так уж вышло. Что ж теперь на людей кидаться?

— Видно, Сергей правду про твою дремучесть говорил. Или прикидываешься?.. — Лиза с прищуром посмотрела на соседку. — Признавайся, было у тебя что с моим мужем?

— Да ты что, Лиза! — опешила Зина. — Господь с тобой. С чего ты взяла?..

— Брат мне твой все рассказал.

— Да с чего он решил-то? Тогда... Ты моего брата слушала больше, царство ему небесное. Он ведь как выпьет, все что угодно ляпнуть мог. Совсем глупый становился. С нами этим летом в контрах был. Вот и наврал с три короба! Ты не думай, болтовня пустая...

Лиза еще раз оглядела соперницу.

— Ну, кабы так и было... — Зина встала с лавки. — Так, наверное, я про инфаркт бы знала. Пришла бы я к тебе с открытым сердцем, без задней мысли? Сама подумай. Я, конечно, хороша собой, но... Муж твой всю дорогу про вас рассказывал. Про любовь вашу сложную... Он же из семьи ради тебя ушел... — Зина говорила абсолютную правду. Сергей, не в состоянии слушать попутчицу, предпочел взять инициативу в свои руки и сам изливал душу болтливой соседке.

— И то правда... — выдохнула Лиза. Она пренебрежительно окинула взглядом соперницу. Несуразная, круглолицая, затюканная Зина никак не могла соблазнить ее мужа. Суровая реальность спасительным маяком осветила тьму женских подозрений. — Все эти несчастья меня совсем оглушили. Ты, Зина, прости меня. Сама не знаю, что на меня нашло. Наговорил мне Петр. Я ведь сразу не поверила... Потом посидела, мысли мне всякие про вас в голову полезли. На кой... ему это надо понадобилось? Зачем нас рассорить-то?

- К тебе клинья подбивал... Вот и пустил слух про мужа. Я в городе в театр ходила, – Зина гордо выпалила то, ради чего и приехала. – Классический сюжет.
- Да не может быть... Соседи ж...
- Соседи... В театре такое играют. Между родственниками срамные дела случаются!.. Если бы своими собственными глазами не видела – не поверила! Теперь уж не узнаем. Я рада, что все выяснилось, – растроганная Зина бросилась обнимать Лизу. – Никакой обиды не держу на тебя. Смешно просто. Так, где мои сестры?
- У вас. За рабочими следят... Может и на речке. Погода вон какая!
- Пойду их проведу.
- Сестер твоих всё в полицию таскают. Допрашивают... Особенно Ольгу.
- Зачем это? – оторопела Зина.
- Всё спрашивают про их отношения с братом. Не могли ли поджечь они родного.
- В полиции ополоумели совсем! Им там нечем заняться?
- Надеюсь, разберутся, как мы с тобой. Зови всех чай пить. Они на дворах или у речки. Больше им негде быть.

Зина ушла, а на Лизу снизошло озарение. Наврал ей сосед про мужа. Она – дура, поверила. Своего Сереженьку неоправданными подозрениями до болезни довела. Прощение уступило чувству вины. Она грех на душу взяла. Предстояло прощение вымалывать...

* * *

В Рублёво кипела стройка, пахло свежими сосновыми досками и мужским потом. Вместо сгоревшей избы рабочие возводили два щитовых домика. Ольга и Анна открыли свои кубышки и выбрали коробки из клееного бруса на свой вкус. Анатолий пообещал все утеплить со временем...

- Ух ты! Какой дом отгрохала! Два этажа?.. Красота... Если бы я, уезжая, знала, что здесь будет стоять, – не поверила, – ахнула Зина, крутя головой.
- Здравствуй, Зина. Приехала? – Ольга не верила глазам.
- Здравствуй. Приехала. Хоромы ставите? Вон, я вижу, и Аня строится.
- Да ну что ты. Это так... Нам с Толиком да вот сыну с будущей невесткой.
- Как там Алексей?
- Давно что-то не звонил. Загорает. Из моря не вылезает, видать...
- Если гости приедут, будет где разместить.
- Баня еще в планах. С верандой. Летом можно будет спать. С Анькой скинемся, да и поставим. От тебя ни слуху, ни духу. То ты в театре, то вообще вне зоны... Мы тебе твою часть земли выделили. Что хочешь строй. А баню нужно одну на всех. Будешь участвовать?
- Оля, я подумаю... Только вот приехала, еще не отдышалась, а ты уже с деньгами...
- Так ты пока отдышишься, снег выпадет! Где манатки оставила?
- У Лизы. Думала и вы там.
- У Лизы? – удивилась Ольга. – Она на тебя так шипела... Мы с Анькой думали, что она в кобру превратиться... Случая не упускала, чтоб тебя не укусить.
- Лиза и меня вначале встретила с угрозами. Потом все выяснилось! Она на меня шипела из-за брата нашего!
- Покойник тут причем?
- Наговорил про меня белиберды всякой. Мол, я ее мужа соблазнила и чуть ли не с Лизой разлучить мечтала.
- Сумасшедший, что возьмешь? Это ж надо... Мы все понять не можем, с чего это она на тебя ополчилась... Вон оно что... У нас тут новое развлечение... Меня ж в по-

лицию затаскали! Считают, что это я брата спалила. Представляешь? Всё выпрашивают про наши отношения, не следила ли я за братом. Всех в деревне опросили, не желала ли я смерти родному человеку! Ужасное лето... Все как-то не так...

– С чего это они так прицепились к тебе...

– Я устала от этого бреда. Сил больше нет. Я на грани... Делать им, что ли, больше нечего? Это ж кем надо быть, чтоб поджечь дом вместе с родными?! Говорят, раз свет горел в ту ночь, значит, не проводка...

– Оля, ты не принимай близко к сердцу. Неужто тебя в тюрьму посадят? Невероятно...

– В нашей стране все может быть. Убийцы по улицам разгуливают, а невинного человека в тюрьму посадят. Я в это не верю, но все равно неприятно! Людям не докажешь. Со мной некоторые уже и не здороваются.

– Доказательств у полиции нет?

– Зина, ну о чем ты говоришь? – вскрикнула Ольга. – Какие доказательства?!

– Вот и не волнуйся. Все обойдется. Я в театре видела – все хорошо заканчивается. А жизнь – это театр. Вон Аня с Машей идут...

С речки возвращались Анна с дочкой. Маша решила оставить ребенка. Она рассказала матери о беременности. Анна светилась от счастья... Первый внук или внучка появится в ее семье.

– Какие люди, и без охраны? С приездом, – Анна обняла сестру. – Не чаяли увидеть Вас на родной земле.

– Здравствуй, Зина, – тихо вымолвила Маша.

– Да вот приехала. Удивляйтесь! Что-то ты невесела, Машенька?

– Что тут веселиться? Тяжко на сердце.

– Ну, не на сердце, а под... Мы тут шутили как-то. Ну вот, сбылось. Стану бабушкой. Поздравьте!

– Во дела! Так что же ты грустишь? – лицо Ольги расплылось в улыбке. – Радоваться надо. Поздравляю. Молодцы! Будущему отцу уже сообщили?

– Сегодня по телефону.

– Хорошо бы девочка! – загадала Зина. – Кем же она будет мне приходиться?

– Внучатая племянница... Но мы хотим мальчика. Уже и имя придумали.

– Какое же? – разочаровалась Зина.

– Петр...

– Правильно, – Зина задумчиво закивала.

– Новое поколение нарождается. Пусть хоть они будут счастливее нас, – пожелала Ольга. – Будет нам, старикам, отрада!

Появилась запыхавшаяся Лиза с сумками в руках.

– Наконец-то все сестры вместе...

– Новость у нас. Ждем скорого пополнения в семье...

– Поздравляю, Маша. Скоро мамой станешь? – поинтересовалась Лиза. – Теперь мы все тебя оберегать должны. Идите чай пить, а я к мужу. С Зиной мы все выяснили. Недоразумение одно сплошное. Какой сегодня чудесный день! Вот увидите – все несчастья скоро закончатся. Все будет хорошо! Хозяйство на вас... Цветы поливайте! Побегу, сейчас такси на большак придет...

У Ольги зазвонил мобильный телефон.

– Телефон звонит... Ой, это у меня... Невестка будущая звонит! Из Турции... Может, еще одна приятная новость? Алло... Слушаю...

Она внимательно слушала, и улыбка сползала с бледнеющего лица. Стоявшие рядом не знали, что слышит Ольга, но тягостное предчувствие охватило всех.

– Ужас! Лешка в реанимации. Отравился. Чуть живой, – Ольга села на траву. – Как же так? – беспомощно произнесла она.

– Это невозможно, – заохали женщины. – Леша же вообще не пьет... Это какая-то ошибка... В турфирме что-то напутали... Они там вечно всё путают... Быть такого не может!

– Какое-нибудь трагическое совпадение имени и фамилии, – выдала Зина. – Это точно не про нашего Алешу.

К избе подкатил полицейский уазик. Здоровенный полицейский деловито вылез из джипа, надел фуражку и объявил:

– Иванова Ольга Егоровна, Вам следует отправиться в участок на допрос к следователю.

– Не трогайте ее, – взмолилась Зина. – У нее с сыном плохо.

– Сожалею, но выписан ордер на Ваш арест, – страж порядка был непреклонен. – Вам будет предъявлено обвинение в убийстве.

– Час от часу не легче, – ахнула Анна. – Что же это происходит?!

– Они там все с ума посходили! Мы вам нашу Ольгу не отдадим, – закричала Анна, обычно хранившая спокойствие. – Невинного человека в тюрьму хотите посадить? Не бывать такому! Ей надо к сыну ехать.

– Гражданочки, сохраняйте спокойствие. Следователи разберутся.

– Что вы там разберетесь?! Мы всю деревню на ноги поставим! – разошлась Зина. – За нашу сестру вся округа выйдет. Вы нас плохо знаете! В город к прокурору поедем! Голодовку объявим! Мужики за вилы возьмутся...

– Не вынуждайте меня применять силу, – полицейский потянулся к кобуре. – Будете мне препятствовать – все вместе в тюрьму сядете.

– Это мы еще посмотрим, кто сядет! – пригрозила Зина.

– У моего мужа есть связи... Я ему позвоню, – пообещала помощь Лиза. – Вам там устроят!

Наступил момент признания, дававший Маше шанс на освобождение от мук. В легкие набрался воздух, а к горлу подкатил комок правды. Одной фразой она могла остановить творящееся беззаконие, но страх открытого признания вины сковал голосовые связки. Маша стыдливо отвернулась, не в силах смотреть молча на пыльный уазик, увозивший невинную тетю.

Глава 11

С раннего утра жители Рублёва и соседних деревень принялись осаждать помещение Псковского областного суда. Бабы к поездке в город отнеслись серьезно, достали из комодов и шкафов выходные наряды, мужики же, поехавшие в Псков по принуждению, оделись буднично, без изыска. Отправление правосудия происходило на первом этаже многоквартирного дома, и гудящая разношерстная толпа разбудила местное население. Громкими делами суд похвастаться не мог, и, заинтригованные таким вниманием, владельцы квартир поспешили спуститься вниз. За ними последовали отвлеченные от полезных телепередач домохозяйки, пенсионеры и праздные квартиросъемщики, жаждущие развлечений.

Слушание было открытым. Набился полный зал, замешкавшиеся остались на улице и, словно пчелы, бились головами в окна. Лишь малая часть собравшихся имела представление о сути дела, большинство же понятия не имело, но охотно делилось услышанным и собственными представлениями о вселенской справедливо-

сти. В итоге по городу поползли слухи, что судят свихнувшуюся бабу, спалившую несколько деревень.

Многие считали Ольгу виновной в поджоге дома, смерти родного брата и требовали грешнице земного воздаяния. Были и те, кто сомневался, но свято верили в профессионализм суда и готовились принять на веру вынесенное решение. Уверенные в невинности подсудимой находились в явном меньшинстве, и, несмотря на абсурдность выдвинутых обвинений, скинулись на хорошего адвоката.

– В этом вопросе нельзя экономить, – Зина, удивительнейшим образом сторонившаяся всяких трат, избегавшая финансовых вложений в материальные активы, проявила редкостное великодушие и выложила на стол приличную сумму. Более того, для подкрепления позиции защиты перед законом решила заручиться поддержкой высшей силы: обошла с молитвой все храмы и приходы, на всякий случай заглянула в мечеть.

– У нас этим летом сплошная экономия, – бурчала Анна, решившая на время приостановить стройку.

Оклемавшийся после турецкого вояжа Алексей придал матери сил. Сыночка, лишь пригубивший заморского зелья, остался жив, и вместе с отцом поддерживал мать. Для Анатолия, расслабленного налаженным бытом, судебное разбирательство легло тяжким бременем, вырвало из привычного уклада жизни. Неспособность жены совершить мало-мальский проступок казалось таким же очевидным как наличие на небосводе солнца в тихую ясную погоду. Небесное светило может дарить только свет и тепло, а суровый прокурор утверждал, что именно оно явилось причиной проливного дождя и губительного потопа для живых существ. Анна сидела рядом. Она оставила беременную дочку дома и перешептывалась с Зиной.

– Кто знает, что у этой судьбы в голове. Ты всем богам поклонилась?

– Лишним не будет, – Зина не слышала в словах сестры иронии и отвечала вполне серьезно.

– Неужто Бог лезет в судебные дела на Земле?

– Он над всеми начальник.

Собравшиеся, вне зависимости от места жительства и религиозных пристрастий, в финале желали услышать справедливый вердикт. Все. За исключением одного единственного человека, молча затаившегося в толпе. Он приехал не за правдой. Желание разжиться уложило его на больничную койку, чуть не свело в могилу. Разделенный соседний участок и выстроенные дачи похоронили мечту обогатиться. Шелковая жена Лиза охотно потакала всем его прихотям, но Сергей мечтал увидеть несломленную, не поддающуюся на все ухищрения соседку за решеткой. Он не имел влияния на судью, но при даче свидетельских показаний, как мог, очернял соседку. Суровый прокурор требовал максимально возможного наказания для подсудимой, погубившей не только своего родного (!) брата, но и косвенно покусившейся на жизни других людей. Тощий, длинноносый адвокат со смешным хохлом волос на голове вволю поиздевался над обвинением, ловко превратив чинное заседание в фарс. «С такой доказательной базой можно привлечь кого угодно, – произнес в конце своей речи адвокат. – Даже меня. Я, кстати, в ту ночь был не так уж и далеко от места, якобы, преступления.»

После короткого перерыва судья вынесла приговор. Одних он изумил, других разочаровал. Первым, чтобы не слушать ликование соседей, покинул зал разгневанный Сергей. Вердикт был оправдательный. Иванова Ольга Егоровна не виновна и должна быть освобождена в зале заседания.

* * *

– И все-таки интересно, кто же поджег нашу избу? – Зина задала вопрос, на который следствие так и не нашло ответа. Дело развалилось, трагические события ужасной ночи списали на несчастный случай. Сестры закрыли дачный сезон и стали собираться на городской квартире у Ольги.

– Зина! – одернула сестру хозяйка, больше не желавшая вспоминать ужасное лето. – Никто никого не поджигал. Сам себя поджег. Опрокинул там чего-нибудь или пьяный с сигаретой уснул. Сколько таких случаев?!

– Так он же не курил...

– Пощади меня. Давайте все забудем. Кофе будете?

– Вари. Может, и курил, – Анна поддержала сестру.

Ольга достала из шкафчика банку с бразильскими ягодами и зашумела кофемолкой. Анна не хотела продолжать разговор о пожаре, и на то у нее были свои причины. Неделю назад она перебирала дочкины вещи и обнаружила пачку сигарет. Машу отчитала – и так не курила, а тут еще и беременная. Дочка побледнела, сослалась на стресс и клятвенно пообещала больше «ни-ни». На этом бы и закончилась никотиновая история, но мать вспомнила летние разговоры, и детали безумной ночи привели ее к страшному выводу: ее родная кровиночка вполне могла оказаться той самой поджигательницей, но задать прямой вопрос беременной доченьке Анна не решалась.

Ольга достала из холодильника торт, налила сестрам кофе.

– Как вам наш сосед? – Анна выбрала кусок торта с вишенкой.

– Я от него не ожидала, – Зина схватилась за кусок побольше. – Такой милый мужчина...

– Гад, каких поискать! – Ольга села во главе стола. – Столько грязи на меня вылил.

– Может, ему стыдно, – Зина попыталась очеловечить соседа.

– Там, где стыдно – у него кое-что выросло! – Ольга кинула на стол чайную ложку. – На калитку между нами замок навесной повесил. Надо и нам со своей стороны накинуть, чтоб знал. И Лизу не видно. За мужа! Больше в их сторону смотреть не буду! Надо будет забор глухой с их стороны поставить. Зина, это я сама...

– Давайте лучше пить кофе, – предложила Анна. – Как там Леша?

– У них все хорошо, – спокойно ответила Ольга. – С девушкой расстался, почти...

– Как?! – Зина подскочила на стуле. – Ты так спокойно говоришь. Он так долго ее искал!

– И что значит «почти»?

– Почти – значит, отношения их проверку не прошли. Охладели. Сыночка сказал, что они, судя по всему, расстанутся. Но она еще не знает об этом...

– Стреляному воробью трудно найти себе пару, – Зина расстроилась за племянника.

– Найдет, – успокоила Ольга. – Главное, что все живы, здоровы.

– И не в тюрьме...

– Зина!

ЧАСТЬ II

Глава 1

В эту январскую ночь ртутный столбик термометра опустился чуть ниже нуля. Весь декабрь Великая ждала мороза, но вошла в високосный год без ледяной корки. Рублёво каждую зиму покрывалось белым покрывалом так, что низехонькие

избушки исчезали из виду и дымили прямо из сугроба. Теперь же снега выпало по щиколотку, а вспоминать былые зимы стало некому. Перебравшиеся в город старики, не имели никакого желания вылезать из теплых уютных квартир в угрюмые, не протопленные избы. Городские, скупившие землю в Рублёве и других деревнях, избы разбирали и вместо покосившихся жилищ ставили современные домики: щитовые деревянные торчали вперемежку с газобетонными, одноэтажные с погребом и без задирали крышу, завистливо глядя на трехэтажные.

Ветер гулял над темными водами Великой, проверял крепость дверных засовов, шевелил седеющие волосы Арика, вышедшего по прогулку со своей овчаркой Каиром. Арик переехал в деревню пять лет назад с желанием воплотить мечту. Всю жизнь он дышал бетоном на грандиозных стройках СССР, и даже участвовал в постройке гидроэлектростанции в Египте. Дочь его выросла и с отцом связь не подерживала. Приехала только на похороны матери, быстро сгоревшей от рака. Начинаясь сесть Арик перевернул страницу жизни и перебрался из Уфы во Псков, а потом и в Рублёво. Местные настороженно встретили коренастого инородца с хитрыми глазами, поселившегося в доме Палыча. Арик переоборудовал коровник, взял в аренду два гектара и открыл страусиную ферму. Бывшие колхозники, глядя на африканское чудо, крутили пальцем у виска, но страусы прижились на псковской земле. Арик кормил их сочной травой, подсолнечником, тыквой, а зимой сеном, сбереженными в подвале картофелем и яблоками. Пахал на ферме с утра до вечера, если чувствовал, что сил не хватает – нанимал работников для уборки помещений и забоя птицы. Арик сам не пил, и на лето брал в помощь братьев-мусульман, чем еще больше вызывал отторжение. Даже его помощь на пожаре позапрошлым летом не сблизила с местными, но он не унывал. С третьего года хозяйство стало приносить прибыль. Городской ресторан ввел в меню новые блюда, гипермаркет предлагал свежее мясо и огромные килограммовые яйца. Покупатели охотно брали их на сувениры. Страусиный навоз пользовался спросом у дачников, а жир закупала московская косметическая компания.

Вечерами Арик, спуская заскучавшего Каира с цепи, отправлялся на прогулку по растворяющейся в темноте деревне. Он бродил среди пустых, ждущих своих хозяев, холодных коробок и размышлял о прошлой жизни. Под ногами хрустел снег, а он с горькой теплотой вспоминал солнечный Египет, детство в Уфе, бабушку Айнур, каждое утро будившую его со стаканом парного молока. Слезы грусти выступали на глазах Арика если поток мыслей возвращал его к мукам умирающей жены и дочке, бесследно покинувшей отчий дом. Много печали выпало на долю Арика, но все же бродил он по деревне с неугасающей надеждой, что в его жизни будут еще минуты счастья.

Желтый свет, маяком горевший в окне одного из домиков сильно удивил Арика. Он привык гулять по пустой деревне, чувствуя себя ночным хранителем Рублёва. «Уж не воры ли?» – с тревогой огляделся Арик. Тихо поздравил Каира и направился к ожившему домику. Оружия у Арика не было, идти домой за топором он не стал, понадеявшись на крепкие руки и верную овчарку. Замерев у забора еще раз осмотрелся. В окне никто не маячил, сквозь тишину прорывался слабый шум, словно работал телевизор. «Каир, голос!» – приказал Арик. Верный пес несколько раз вопросительно гавкнул. Мол, в чем дело, хозяин? Дом не отреагировал на провокацию. Свет в окне горел, телевизор продолжал хвастаться сенсациями. Взяв собаку за ошейник, Арик тихонько отворил калитку и пересек двор. Собравшись с духом, громко постучал в дверь.

* * *

– Селедку положила? – раздался голос из прихожей.

– Положила.

– Колбасу?

– Там же.

– А сахар?

– Толя, сахар тебе зачем? – поинтересовалась жена, важно выплывая из кухни с тремя буханками хлеба. – Самогонку варить некому.

– Сразу самогонку, – устало вздохнул муж и принялся ковыряться в потертом брезентовом рюкзаке. – Кофе буду пить.

– Не надо там ничего ворошить! – завопила Ольга. – Я все аккуратно сложила. Что там потерял?

– Сахар, – виновато произнес муж.

– Толя, я все собрала. Успокойся. От тебя требуются твой «Беломор» и документы.

– Хорошо, – отступил муж. – Спички и зажигалка в куртке.

Анатолий собирался ехать в деревню на всю неделю и подходил к сборам со всей серьезностью, словно в поход. Рассчитывать приходилось только на себя. Зимой автолавка заглядывала в Рублёво раз в неделю ради одного постоянного жителя, чудаковатого фермера на краю деревни. Бывали случаи, когда магазинчик на колесах не добирался из-за поломки или раскисшей дороги. Сын Алексей высказал желание поехать раньше других. За пару дней. Отдохнуть от города, протопить дом. Родители сильно перечить не стали, сын вырос и волен сам решать, но отца беспокоила скрытность, замкнутость Алексея. До злополучной поездки в Турцию он и так не отличался кампанейским характером, предпочитая шумным гулянкам, плановый безмятежный ход жизни. Теперь же и вовсе вел жизнь отшельника.

– Зина звонила?

– Да. Будет к семи.

Зина согласилась составить компанию сестре и поехать в начале января в деревню. Собственный дом она ставить не стала, предпочитая гостить у сестер. Анна дистанцировалась от Ольги и выбрала место для постройки своего жилища. Они продолжали сохранять теплые сестринские отношения, но Ольга радовалась разумному выбору младшенькой Зины. После всех перипетий желание доминировать над сестрами поубавилось. Следствие, болезнь сына надломили Ольгу. Сил и энергии осталось только на прибившуюся сестру. Правда, требовать от нее помощи по хозяйству духу не хватало, благо верный муж продолжал тянуть лямку.

* * *

Алексей бросил в печь несколько поленьев, закрыл глаза и наконец-то расслабился. Огонь с приятным треском пожирал подкинутую добычу, наполняя промерзшее жилище долгожданным теплом. Поездка в деревню порядочно утомила Алексея. В автобусе он сидел около окна и продрог, хотя развалившийся рядом пузатый сосед тяжело дышал от духоты, протирая лоб посеревшим платком. После смены большого передвижного холодильника на юркое прогретое такси легче не стало – беднягу укачало. Сидя в центре неподвижного, пахнущего деревом, защитного кокона Алексей ловил свой собственный кайф.

Неожиданный стук в дверь привел разомлевшего путника в паническое замешательство. Алексей резко открыл глаза, прислушался, отказываясь верить звуко-

вым галлюцинациям. Дверь, конечно, заперта, но в деревне он один. В окно такси Алексей видел лишь черные силуэты, ни одного светового блика, ни одной живой души. Родители обещали подтянуться только к пятнице. Абсурдно представить их погоню за только что уехавшим сынком. Опять повторился стук, даже более настойчивый. В дверь барабанило живое существо. Медведь, воры?.. Но зачем им лезть в скромный домик с горящими окнами. В округе полно богатых пустых домов. И жулик, и дикий зверь найдут чем поживиться. «Таксист, — мелькнула в голове спасительная догадка, вернувшая душу из пяток, — застрял на раскисшем большаке и пришел просить помощи».

— Кто? — просил Алексей, подкравшись к двери. В руке он держал топор.

— Полиция, — прозвучал обескураживающий ответ.

Обомлевший Алексей отодвинул засов.

Двое мужчин, не подозревавших о существовании соседа, с большим интересом и опаской изучали друг друга. Коренастый с узкими хитрыми глазами сразу понял, что перед ним не вор, а скорее сын хозяина дома. Для самого хозяина слишком молод и шупл. Зажатый в руке топор беднягу тянет к земле. Отворивший дверь и вовсе не знал, что сказать. Минуту назад он ощущал себя единственным жителем деревни. Вместо таксиста на пороге дома стоял непонятно откуда взявшийся азиат. Судя по грязному ватнику ни в какой полиции он не служил. И все же незваный гость вызывал доверие. Он крепко держал овчарку за ошейник и не собирался нападать.

— Здравствуйте, — Алексей убрал топор.

— Вечер добрый. Я гулял с собакой и увидел свет в окне. Решил посмотреть кто тут, — азиат отодвинул овчарку ногой и отпустил ошейник. — Каир, гуляй!

— Вы здесь где-то живете?

— Да, — улыбнулся гость, обнажив два золотых зуба. — Ферма на асфальте.

— А-а-а, — протянул Алексей. Полоска асфальта на другом конце Рублёва осталась напоминанием о совхозном прошлом деревни. Краем уха он слышал о чудаковатом фермере, последний раз мальчишкой катался на велосипеде в той стороне и воспринимал приехавшего возрождать деревню больше как некое мифическое существо, нежели реальное.

— Я вот раньше приехал, — словно извиняясь, сказал Алексей. — Родители по-слезавтра.

Мужчины полностью прояснили ситуацию, повисло неловкое молчание.

— Колите дрова?

— Да. Печь топлю. Зайдете? — гостеприимно предложил Алексей.

— Поздно уже, — отказался азиат. — Если что понадобится, я всегда дома. Спросите Арика.

— Хорошо, — кивнул молодой хозяин дома. — Алексей. Обязательно к Вам зайду.

— Я один живу.

Они засмеялись и пожали друг другу руки.

Глава 2

При рождении ребенка все родственники и доброжелатели, мило улыбаясь, утверждают, что на свет явился вылитый папа. Вне зависимости от пола. Если дочь, то еще лучше — будет счастливой. У Маши и Никиты родился сын. Точнее сказать, сразу родился Петенька. Родная бабушка Аня хвасталась щекастым внуком, сестры одаривали малыша подарками: баба Оля подогнала коляску, а на годик — финский

комбинезон. Младшая бабуля в щедрости старалась не отставать, притащила кровать и музыкальные ходунки. Родной дед внука не видел, уехал жить к матери в Архангельск. Зато дед Толя пообещал в деревне смастерить домик на дереве.

– Подрастешь чуток, и будет тебе где играть.

– Да нужен ему твой домик на дереве, – улюлюкала баба Оля. – Ему рóдная бабушка дом построила.

– У мужика должен быть свой угол! – безапелляционно выразился дед. Он бы стукнул кулаком по столу, но склонившись над кроватью, лишь расплылся в улыбке.

– Строй, – согласилась жена. – Только наше доведи до ума. А там уж что хочешь вороти... Дедулька твой на север умотал, – баба Оля поправила одеяльце внучатому племяннику. – На старости лет на родину потянуло.

– Так здесь работы нет. Поехал к матери пить, – буркнула баба Аня.

– И внук не нужен. Бутылка важнее.

– Я вот тоже думаю уехать. Буду в Рублёво жить.

– Круглый год? – удивилась баба Зина. – Что там делать?

– В деревне всегда есть что делать! – успокоил знающий дед Толя.

Бабушка Аня взяла на себя домашние хлопоты, с удовольствием стирала, гладила, варила борщи, бережно подогревала бутылочки с искусственным питанием: молочные реки у мамы быстро иссякли, ни настои, ни массаж не помогли. Дочка регулярно отправлялась на прогулку с коляской, оставаясь наедине со своими мыслями. Поправляя одеяльце, Мария невольно возвращалась к событиям двухлетней давности. Образ сгоревшего дяди не давал ей покоя. Глядя на Петеньку, весело стучащего пластиковой кружкой по столу, все хором поддакивали: «Вылитый отец», а Мария обреченно видела дядю. Родной сын никак не давал перевернуть черную страницу пережитого, отделаться от тягостных мыслей. Мария уже жалела, что родила сына, а не дочь.

Желание забыться привело Марию к спасительному открытию – толкать перед собой коляску с ненавистным образом дяди оказалось гораздо проще под бутылочку пива. Алкоголь придавал некую легкость размышлениям о неминуемости смертного конца, придавал философский оттенок совершенным ошибкам. Будущее не становилось более осмысленным, зато прошлое после дозы спиртного не тянуло камнем вниз. Вечерний бокальчик вина за ужином также вошел в привычку, удачно маскируя дневной транквилизатор. Муж Никита после напряженного трудового дня был не против домашней релаксации на кухне, благо теща в застолье не участвовала, предпочитая просмотр телевизионных ток-шоу. Единственный кормилец знал о желании тещи навсегда ретироваться в деревню. Тягу пьющего тестя к родным местам он всячески поддерживал, но возможный отъезд бабушки никак не радовал.

– Спасибо! Очень вкусно, – похвалил Никита вечернюю стряпню.

– Мама готовила.

– Теща собралась перебраться в деревню. Как тебе? – Никита плеснул себе вина. – Тесть-алкаш свалил к всеобщей радости.

– Вообще-то он мне папа.

– Он-то об этом помнит?

– Всех тянет домой, – жена сгрузила тарелки в раковину. – Хорошо. Петю можно отдавать ей на все лето. Самим ездить не зачем. Будем чаще бывать вместе. Ты про меня совсем забыл.

– Солнышко, – муж уставился на жену, – тебе придется взять на себя все хозяйство.

– Не вижу проблем. Что тут сложного?

– Но ведь ты собираешься выходить на работу. Не сейчас, но в ближайшие годы.

– Чтобы, как и ты, задерживаться допоздна? – Мария не стала высказывать мужу свои подозрения о его разговорах по телефону в ванной под шум душевых струй.

– У меня куча дел! – Никита заерзал на стуле и подлил себе вина. – Эти конкуренты, конкуренты. Я ощущаю себя гроссмейстером, дающим сеанс одновременной игры. Этот почему-то жертвует пешку, другой пойдет на размен или нет, тот вообще рокировался, а впереди слон и лошадь. Как подступиться?

– Ничего не поняла...

– Зато мои занятия шахматами в школьные годы сейчас шибко помогают в решении этих многоходовок. Домохозяйке трудно это понять. А шуметь, когда твоя мама за стеной, я не могу.

– Постарайся завтра не задерживаться. Мама идет к врачу, а я с девочками встречаюсь, – процедила Мария сквозь зубы и вышла из кухни, давая понять, что разговор окончен.

– Что-то вы зачистили! – крикнул вслед наблюдательный муж, продолжая спокойно пить вино.

На работе у Никиты намечалась любовная интрижка. Жгучая брюнетка Жанна принимала звонки на ресепшене, заказывала билеты командировочным и громко смеялась над любыми шутками. Алиментов от бывшего мужа ей хватало не только на пятилетнего сына, но и на ежемесячное обновление гардероба, а скромную зарплату она отсылала домой родителям. Каждый раз при встрече Никита ловил на себе ее смеющийся хитрый взгляд. Удивительно, но они постоянно сталкивались в коридорах огромного трехэтажного офиса. В шахматах у черной королевы одна цель – белый король. Ради мата она готова на все. Припертому к краю доски Никите уже некуда было бежать. Его белая королева пропадала на другом конце поля. Эндшпиль близок, а будет объявлен мат или все закончится патом – не так уж и важно. Эту партию начинали и выигрывают черные.

Мария с удовольствием проводила время с подружками в ночных клубах. Бывшие одноклассницы восхищались образованной, живущей в достатке беззаботной домохозяйке. Дискотечный угар возвращал ее в годы бесшабашной юности, обнуляя пожар в деревне и отвращение к собственному сыну. В эту темную ночь карнавал из гремучих коктейлей и кислотных ритмов протащил Марию сквозь череду клубов, подарил незабываемые разноцветные впечатления. Она пришла в себя лишь на следующий день, ближе к полднику. Подташнивало, отчаянно хотелось пить. Ее тело лежало в постели с двумя незнакомыми мужчинами. Мария вскочила и лихорадочно подобрала валявшееся на полу платье. Отыскав сумочку, в ужасе вытащила из нее телефон, но оказалось, что никто ее не искал. Ни муж, ни мама не звонили. Она растерянно села на край кровати в большой незнакомой комнате с храпящими мужиками и осознала: ехать домой и страшно, и вроде бы незачем.

Глава 3

Арик подбросил страусам яблок, навязал собаку и отправился проведать нового знакомого. Уважающий себя фермер никогда не ходит в гости с пустыми руками, и Арик прихватил с собой страусиных яиц да мяса. Выглянувшее из-за туч солнце беспощадно растопило тонкий снежный покров. Земля раскисла, и как ни старался Арик выбирать места посуше, до дома Ивановых добрался в неприлично грязных сапогах.

Отец семейства Анатолий степенно, в сладостном предвкушении наливал трудовую стопку. Зина поднесла ко рту долгожданную ложку горячих щей.

– Осторожно, горячее! – предупредила Ольга, перенося с плиты на стол тяжелую сковороду.

Резкое дребезжание оконного стекла придало хаотичное ускорение контролируемым процессам. Драгоценная водка полилась на стол, только что разогретые щи оказались на кофе, а сковорода с грохотом приземлилась в салат. Старшая сестра не стесняясь, в одно слово вложила свое отношение к произошедшему, Зина принялась тереть кофту, охлаждая обожженную кожу. Разочарованный Анатолий не мог оторвать глаз от дорогих ручейков, растекающихся по скатерти. Лишь выглянувший в окно Алексей, радостно воскликнул:

– Это ж Арик! Заходите! – Алексей бросился открывать дверь.

– Что еще за Арик? – недовольно спросила мать и махнула рукой. – Так и будете есть.

– Я же рассказывал. Ночью приходил, – Алексей недовольно посмотрел на мать. – Ты меня никогда не слушаешь!

– Правда, я забыла просто... Ну, зови своего друга.

Алексей гостеприимно распахнул дверь, но Арик никак не соглашался переступить порог.

– Грязища! Я весь пол запачкаю.

– Ничего страшного, подмету, – гарантировал Алексей. – Не стесняйтесь. Тепло уходит.

Собравшись с духом, Арик вошел в дом.

– Здравствуйте! Я, собственно, на минутку. Зашел проведать, – гость мялся у двери. – Это вам, – он протянул пакет. – По-соседски. Чем богаты...

– Спасибо, – хозяин дома взял пакет и пожал руку. – Анатолий.

– Арик.

– Ой, что там? – поинтересовался Алексей.

– У меня ферма. Так вот тут мясо и яйца.

Анатолий вытащил из пакета огромное желтовато-розовое яйцо. Изумлению собравшихся не было предела. Водка на скатерти, пятна на одежде, сковорода в салате позабыты.

– И что с ними делать? – ахнула Ольга.

– Давайте страуса высадим, – предложила Зина.

– Что хотите... Если варить, то не меньше часа. Яйцо столовое, неоплодотворенное, так что высадить не получится, – улыбнулся Арик. – Яичницу можно. На всех хватит. Еще останется.

– Тут еще мясо, – Анатолий продолжал изучать содержимое пакета.

– Давайте мы вам заплатим, – предложила хозяйка.

– Не надо, – Арик замахал руками. – Это подарок.

– Но вы же фермер. Это ваша продукция...

– От всего сердца, – отнекивался гость. – Будем считать что «на пробу».

– Тогда садитесь с нами обедать!

– Отметим знакомство! – оживился Анатолий. При госте жена не будет считать опрокинутые рюмки.

– Спасибо, я не пью. Да и вы на меня не рассчитывали. У меня там собака, хозяйство без присмотра.

– Напали на человека, – Зина принялась защищать Арика. – Неудобно же. Первый раз в доме.

– Уже второй, – уточнил Алексей.

– Лучше вы ко мне заходите, – пригласил Арик. – Можно без звонка. Я всегда дома. Приятного аппетита.

– Мне кажется я его где-то видела, – начала вспоминать Ольга после того как за Ариком закрылась дверь.

– Мама, может Арик помогал дом тушить, – напомнил сын.

– Мне тогда не до разглядываний было. Станный он какой-то. И мяса принес.

– Он добрый. Неравнодушный. Увидел свет ночью, пришел проверить – не во-ры ли?

– Такими яйцами любого закидает, – Ольга принялась выуживать остывшую сковороду из салата.

– И не пьет, – грустно заметил Анатолий.

– Тебе бы тоже поменьше...

– Не знаю как вы, а я обязательно схожу в гости. Первый раз вижу одинокого, непьющего мужчину, – Зина задумчиво посмотрела в окно.

* * *

Никогда прежде в деревне Зина не сожалела, что нечего надеть. Старые наряды сгорели, а новые остались в городе. Вылив на себя флакон выпрошенных у сестры духов, Зина отправилась на другой конец деревни. Ольга и Толя вежливо отказались от формального приглашения составить компанию. Алексей вызвался прогуляться, но отец одернул его.

– Работы много, нечего по гостям шляться! Мешаться там...

Алексей никак не мог понять, почему тетя Зина не помешает соседу, а ему нельзя нанести ответный визит.

– Вот ты вымахал, а ума не нашил, – улыбнулся отец. – Сходишь потом. Пойдем на второй этаж. Гвозди бери. Фронтоны будем утеплять. Дует.

Арик обрадовался гостю, первым делом показал ферму. Страусы, гордо вытянув шею над деревянным загоном, изучали незнакомку.

– Хотите покормить? – хитро прищурившись, предложил Арик.

– Боюсь, – засмушалась гостя.

– Давайте, – Арик насыпал Зине в ладонь зерна. – Не бойтесь. Протяните руку.

Зина громко выдохнула и подошла к неизвестным животным. Один из африканских гордецов подскочил к угощению, изящно изогнул шею и жестко долбанул клювом по ладони. Зина вскрикнула, отдернула руку, просыпав угощение.

– Познакомились. Страшно?

– Чуть руку не откусил, – пожаловалась Зина.

– У вас руки нежные. Летом запущу трансфер из города. Автобус будет привозить людей на экскурсию по ферме, – мечтательно обещал Арик. – Поставлю шатер, чаем угощать буду.

– Как вы здорово придумали, – восхитилась Зина.

– В следующем году пасеку хочу, кроликов заведу, куриц.

– В страусах ничего не понимаю, а вот с этими помогу. Отец у нас держал и кроликов, и петушка с несушками. С малых лет занималась. Помню, всю ночь проплакала, когда узнала из кого мне сшили варешки.

В доме Зина ожидала увидеть что-то восточное. Что именно, она и сама объяснить не могла, но что-нибудь витиеватое в убранстве, узоры на мебели, сладкие ароматы в воздухе. Однако жилище у Арика оказалось самое обычное. Аскетичный сруб псковского холостяка.

– Чем же мне вас угостить?

– Да я не голодная, – Зина не ждала от одинокого мужчины кулинарных шедевров.

– Тогда будем чай пить, – Арик открыл буфет. – У меня есть нуга. Настоящая.

– Мы из одного вашего яйца сделали яичницу, а второе в холодильнике пока лежит. Очень вкусно, – слукавила Зина. Особой разницы она не почувствовала, но очень уж хотелось сказать что-нибудь приятное.

Арик поставил на стол тарелку с восточной сладостью. Зина довольно улыбнулась. Обычное печенье разбило бы ее волнительное ожидание. Предложение выпить зеленого чая она приняла восторженно.

– Яичницу очень вкусно делать по-португальски. С помидорами, цуккини. Завернуть их в рулет, добавить сыр тертый, зелень добавить.

– Вы так аппетитно рассказываете. Были в Португалии?

– Нет. В Интернете почитал. Сейчас не сезон, а летом покажу. Только вместо цуккини я беру наши кабачки. За границей я был один раз. В Египте.

– Ой, там же акулы!

– Я на стройке работал. Там акул нет.

В чашках остывал зеленый чай, а Зина продолжала изучать обстановку. Чистенько, но женской руки не хватало. Серые занавески стоило постирать, обои переклеить, а на подоконник поставить цветы.

– Всё вы умеете. На все руки мастер, – нахваливала Зина хозяина.

– Так я один живу. Жена давно умерла, дочка далеко. Все сам.

– Грустно... У меня муж тоже давно под комбайн попал. Сын в армию уходит. Бегал, бегал, а тут попался. Весной одна буду жить.

– Мужчина должен в армии служить, – безапелляционно заявил Арик. – Это обязательно. Святой долг.

– Он так не считает. Наверное, вы правы. Я к вам шла, думала взять с собой кружку, ложку. Вдруг у вас нет.

– Зинаида, нет ничего хуже, когда дома одна ложка, вилка. У меня много. Летом рабочие помогают. Не подумайте, что я вас не уважаю, но предлагаю перейти на «ты».

– Хорошо, только надо выпить на брудершафт, – Зина заулыбалась. – А вы, наоборот, не пьете.

– Не пьешь, – поправил Арик. – Вино не пью.

– Из-за веры?

– Из-за какой веры?.. Нет... Мою жену звали Вера. Думаешь, я мусульманин? Какой я мусульманин? Я же советский человек. И жена русская была. Я уж скорее коммунист, чем мусульманин. Но если только чуть-чуть... Раньше я пил, – сознался Арик. – Не сильно, по праздникам. После сорока как отрезало. Словно мое тело сказало: «Хватит!» А может, Аллах...

Они выпили остывшего чая на брудершафт, и Зина взяла с тарелки настоящую восточную сладость.

Глава 4

Никита откинулся в офисном кресле и задумчиво защелкал ручкой. Со стеллажа на него безмолвно смотрели разноцветные корешки увесистых папок с отчетами о складских запасах, поклиентским планированием и уходом товара. Менеджеры, бросив трубки, громко сообщали коллегам свое мнение о собеседнике. Ежедневно из кабинета исполнительного директора удавом выползал двоюродный брат владельца компании и мучил каждого сотрудника расспросами о персональном вкладе в процветании семейного бизнеса.

Никто в офисе не знал, что уже месяц Никита разыскивает пропавшую жену. По телефону Маша оставалась недоступной. Полиция приняла заявление, разослала

ориентировки, но ничего конкретного обещать не могла: все силы брошены на предотвращение террористических атак, поиск распоясавшихся рецидивистов, а «молодая женщина, если жива, обязательно найдется», — успокоили в участке.

О семейной беде знала только жгучая брюнетка с ресепшена. Находиться вечерами один на один с безутешной тещей терпения не хватало. Анна фонтанировала идеями, но обклеенные фотографиями столбы не приносили результата, больницы и морги Никита посетил и, слава богу, вернулся ни с чем. Наивному Петеньке придумали историю об отъезде мамы в длительную командировку на поезде, отвлекая малыша от ненужных мыслей новыми машинками и мультиками. На передышку между офисными допросами и домашней безысходностью Никита тайком заскакивал к Жанне. Об их романе на работе никто не знал. Любовница отнеслась к исчезновению соперницы как к подарку судьбы, но без ликования победителя, разделяя крайнюю обеспокоенность Никиты.

— Это ужасно, — говорила она, поправляя растрепанные волосы. — Тебе, наверное, не до меня.

— Без тебя мне совсем хана была бы. Дома невыносимо.

— Все образуется, — успокаивала Жанна, не уточняя, каким образом и у кого.

* * *

Жизнь родственников текла своим чередом, но все мысли и разговоры касались поисков Маши.

— Говорю вам, ее нужно искать в психушке, — твердила Ольга. — У Маши послеродовой психоз.

— Маша родила два года назад! Какой психоз? — раздраженно отвечала Анна. — Никита ездил в Богданово. У них нет безымянных. Все свои.

— Полиция что говорит? Может, маньяк завелся какой? — у Зины весь разговор сводился к теме, которую старались избегать в разговоре.

— На нашу полицию надежды нет. Сама знаешь, — обрывала сестру Ольга. — Они безвинного найдут, если его нужно упечь в тюрьму.

— К соседу обращались? — не унималась Зина. — Ну и что, что гад! Тут такое дело.

— Да была я у него, — отмахнулась Анна. — Выслушал сквозь зубы, но что он может? Полиция в курсе. Участковый пожимает плечами. По телевизору дать объявление посоветовал.

— Слушайте, это он причастен к пропаже Маши, — в Ольге проснулась мисс Марпл. — Не мог человек просто так пропасть, а у него причина. Он нас ненавидит!

— Козел, — согласилась Зина. — Но зачем ребенка похищать?!

— Не сам. Подговорил кого-нибудь! Знакомств хватает.

— Что же делать? — Анна хваталась за любую призрачную возможность найти дочь.

— За ним надо как-то проследить, — решила Ольга. — Я Толю попрошу. Или Алешу. А еще лучше — твоего Арика!

— Ему некогда, — Зина опешила от напора сестры. — И совсем он не мой...

— Сама ж говорила! Пусть попросит кого из работников.

Довольная Зина слегка покраснела. Старшая сестра пусть и в грубой форме, но озвучила новый статус Зины. У нее не просто появился мужчина, но еще и зажиточный, набирающий людей на, пусть и сезонную, работу.

— Не сходите с ума, — ответил Толик, вернувшись с работы, на предложение жены последить за соседом.

— Это его месть!

— Серега тронулся умом, но ваша троица еще больше. В кубической прогрессии!

– Хорошо. Я Лешу попрошу, – не унималась жена.

– Не вздумай! Леша со своими делами пусть разбирается. Бредовые со стороны ему не нужны!

Алексей все больше думал о смысле жизни. Уверенность в фатальном предназначении бытия крепла по мере рассуждений. Безусловно, каждый человек рожден для чего-то. Материя загадочна, космос бесконечен, и появление жизни на крохотной планете не могло произойти случайно. Человек – слишком сложное существо, чтобы природа создала его без видимой причины, четкого плана. Столько затрат ради бессмыслицы?! Высшая сила существует незримо, контролирует живую материю и при значительном отступлении от заданного вектора посылает ему сигналы. Раскусивший вселенскую затею сможет распознать «небесный намек» и вернуться на путь истинный. Еще с детского садика из-за природной стеснительности у него не получалось дружить с девочками. Повзрослев, сошелся с одной, вкусил алкоголь – это чуть не стоило ему жизни, а большое светлое чувство для одного оказалось просто очередной поездкой на море для другой. Подобных примеров из жизни Алексей выкопал предостаточно. Если что-то у него не получалось, то в последствии и не надо было. Вспомнить хотя бы выгодное предложение с комбината стать ведущим инженером по технике безопасности. Алексей долго сомневался, но все же остался на родном заводе. Интуиция не подвела. Через год комбинат обанкротился. С выбором адвоката для матери тоже случай – сидя у кабинета замдиректора, подслушал телефонный совет о выборе юриста. Пожар в доме, полицейское преследование, оправдательный приговор – тоже часть плана. Исчезновение сестры – не случайность. Она оплачивает свои грехи. Дороги других людей пересекаются с его собственной, но предназначение у каждого свое. Высшая сила, Бог, вселенский разум, определение в данном случае не имеет значения, направляет его к неизвестной цели. И Алексей это знает.

Глава 5

Мартовские снегопады не только парализовали обыденные передвижения горожан, превратив область в белоснежную пустыню, но и дали жизнь весенним водам Великой. Широко разлилась река. Под долгожданным солнцем полноводное течение напитало землю, бурной зеленью окрасив город и деревню. Аисты вернулись к оставленным на зиму гнездам, горожане наводили порядок в загородном жилище и на дворе, в парниках поднимала голову рассада.

В День Святой Троицы Ивановы по традиции отправились на старое деревенское кладбище. Только баба Аня осталась с Петенькой дома.

– Нечего ему меж крестов гулять. Я потом сама схожу, – сказала она, глядя на зевавшего внука. – Лучше блинов испеку.

В обычные дни заброшенное кладбище дышало спокойствием и безмятежностью, но сегодня больше походило на сельскую ярмарку. Обочины песчаной дороги, ведущей к погосту, плотно заняты машинами. Возле каждого захоронения хлопотали нарядные родственники: вениками убирали прошлогоднюю листву, выдирали зеленую траву, украшали могилы свежими и вечными пластиковыми цветами. Исполнившие долг – пили водку, закусывая бутербродами и пирожками.

– Барыни нашей не видно, – Ольга провела недовольным взглядом по смутно знакомым лицам. – Ну и ладно. Справимся, – вздохнула старшая сестра. В этот день лучше было воздержаться от ругательств и склок.

– Она теперь в гареме живет, – отшутился муж.

– Ничего не в гареме, – Алексей встал на защиту больше Арика, нежели тети.

Зина окончательно переехала к Арику. Сестры, потратившие последние кровные на скромную загородную недвижимость при каждой возможности подтрунивали над подсуетившейся младшей сестрой, отхватившей целую ферму, и называли ее барыней. Зина злилась, покрывалась пятнами от несправедливости. Она чуралась работы на общем подворье, но согласилась гнуть спину ради собственной выгоды и даже уговорила Арика не нанимать сезонных рабочих. Африканские птички оказались не страшнее местных куриц, а уж сенокосом деревенскую закваску не перебить.

Ухоженные места захоронений родителей и их сына Петра не требовали воскресного внимания – живые родственники регулярно навещали могилы ушедших. Устраивать пир не стали. Из уважения протерли оградки и памятники, постояли, помолчали, каждый вспомнил что-то свое и пошли обратно.

– Надо Зину к нам позвать, – осторожно предложил Толик, входя в дом. – Праздник, как-никак. И Арика тоже.

– Его-то чего? – возмутилась Анна. – С какого перепугу?

– Слушай, Анна Егоровна. Вот интересная ты женщина, – раздухарился глава семьи. – Арик теперь тоже наш. Как его не позвать? Некрасиво! С сестрой выясняете отношения, а Арик-то что?

– Захочет – сама придет!

– Не позвать, так откуда захочет? Блинов жалко? – Толик вышел на середину кухни и исподлобья взглянул на свояченицу.

– Чего?! – взревела Анна. Личная жизнь младшей сестры набирала обороты, а ее сошла на нет. Муж Анны, когда-то сводивший всех деревенских девок вихрастым чубом, под влиянием спиртовых настоек окончательно деградировал. Реальность видоизменилась, приоритеты сползли в пропасть, ощущения притупились. Искаженный внутренний мир интересовал его куда больше, нежели внешняя жизнь. Даже исчезновение собственной дочери не растрогало. «Найдется», – ответил он заплетающимся языком по телефону из Архангельска. Про внука даже не заикался. Анна подала на развод. Квартиру разменивать не стали, бывший муж пообещал не показываться на законных квадратных метрах. Зять Никита каждый день проводывал сына, но ночевать предпочитал вне дома. На упреки уклончиво отвечал, что жены нет и он формально свободен.

– Хватит вам! – цыкнула Ольга. – Сегодня грех ругаться. Пусть приходят. Если придут.

– Тогда я схожу, – вызвался Алексей и выскочил из дома.

Зина, несмотря на христианский выходной, активно махала вилами, раскидывая капустную листву и яблоки – некрещенные страусы хотели есть. Арик ковырялся в машине, узик не подмигивал правым поворотником. Для деревни – незначительная мелочь, но, во-первых, Арик не терпел технических неисправностей, а во-вторых, он иногда выбирался на своем любимом Бураке в город. Каир узнал гостя, забегал вокруг, приветливо виляя хвостом. Зина продемонстрировать гостеприимство не спешила, сухо поздоровалась, а на предложение зайти в гости к родне брезгливо фыркнула:

– Нам некогда.

Алексей уж было развернулся, но подошедший Арик радостно пожал руку и предложил пройти в дом.

– А я как раз вас пришел пригласить.

– Я же сказала, что мы заняты, – недовольно повторила хозяйка.

– Раз приглашают – надо идти, – мягко, но уверенно сказал Арик. – Дела подождут.

Зина надела новое платье и сапоги из страусиной кожи. «Зинаида, тенистые сады с фонтанами и прудами, реки из молока и меда, даже пальмовые и гранатовые деревья могу посадить. Но зачем они мне без тебя? Мы были сброшены на землю в разных местах, но все-таки встретились. Носи, любимая!» – торжественно произнес Арик и вручил растроганной Зине коробку.

Подарок Арика в честь первого месяца совместной жизни не остался не замеченным сестрами, но они промолчали. Гостей угощали блинами и пирогом, Толик из солидарности с гостем пил чай. Обсуждали переменчивую погоду, посадки, ледяную воду Великой, комаров и прочие прелести деревенской жизни. Арик вспоминал жаркий Египет и беззаботное детство. Слушали внимательно, лишь Анна шумно прихлебывала с блюдечка.

– Не обращай на Аню внимания, – Толик принялся извиняться за свояченицу, когда мужчины вышли на экскурсию во двор. Хозяин дома решил похвастаться новым сараем и туалетом, а также поделиться планами о постройке для внука крохотной избушки на вековой липе. – Дочка как пропала, так и не нашли. Без вестей. Даже соседа подозревали.

– Я понимаю, – Арик закачал головой. – Алексей мне показывал фото. От моей дочки тоже ни слуху, ни духу. Сама живет, своим умом.

– Хоть жива. У них последнее время разлад был. Откровенности никакой. Каждая сама по себе, – Толик достал из бокового кармана «беломорину» и закурил.

– Откровенный разговор не всегда на пользу. Не все открыться могут. Тем более родным. Только Всевышнему.

– Это если он услышит! – закашлялся Толик. – А так все вон там лежать будем, – он протянул руку в сторону кладбища. – Лешка мой мечтает там церквушку поставить. Совсем помешался на религии.

– Я там иногда бываю, – признался Арик.

– У тебя там кто-то есть?

– Нет. Мои совсем в другом месте... О жизни почему-то лучше думается на кладбище.

– Жить хочется, – согласился Толик. Он сделал паузу, собрался с духом и спросил: – У вас с Зинаидой все серьезно?

– Очень, – улыбнулся Арик. – Хоть я ее и без калыма взял.

Толик затрясся от смеха и выронил папироску.

Глава 6

В ожидании зеленого сигнала светофора Арик барабанил пальцами по рулю и размышлял о поездке в город. Мода на страусиные изыски сходила на нет. Экономика переживала не лучшие времена, покупатели потуже затягивали пояса, и конкурировать с куриными окорочками становилось все сложнее. Директор магазина предложил переключиться на говядину или свинину. Арик вынужден был согласиться. Мечты мечтами, но объемы продаж страусятины падали. «Без красного мяса пойду по миру», – подумал Арик, наблюдая за нищенкой с картонной табличкой, слезно выпрашивающей милостыню у водителей. Арик решил страусов оставить для души и нового бизнеса. В туристической фирме согласились внести ферму в перечень местных достопримечательностей. Посещение древних соборов и храмов, имения михайловской ссылки великого поэта – само собой, поток организован еще в советские времена, но идея попить чаю, глаза на загадочных птиц, должна была

освежить замшелую программу и привлечь туристов младшего и среднего школьного возраста.

Зеленый сигнал светофора открыл дорогу. Арик пришпорил своего Бурака и полетел в деревню. На большаке в Чертовидово Арик увидел фигуру старого знакомого. Алексей шел вдоль дороги не торопясь, прогулочным шагом в сторону дома. Тучи над деревнями не сгущались уже недели две, за Бураком вырастали клубы пыли. Арик заранее скинул скорость и медленно подкатил к пешеходу.

– Домой? Подкинуть? – прокричал Арик в открытое окно.

– Да, если можно, – Алексей хотел еще пройтись, но согласился из вежливости.

Он открыл дверь и заскочил в кабину. – Далеко ездили?

– В город. Гулял?

– Да.

– Места красивые. Широта. Спокойствие.

– Тут бы на берегу реки церковь поставить. Так и просится.

– В Чертовидово?

– Можно у кладбища, – согласился Алексей.

– Храмов тут хватает. Мне по секрету сообщили. Он должен быть в душе каждого. Каменные не помогут, – Арик свернул с большака в сторону деревни.

– Я бы все равно поставил. В Германии в каждой деревне есть.

– Ну, раз охота, – согласился водитель. – Как родители поживают?

– В обороне. Тетя Аня ждет приезда зятя. Говорит, Никита сына хочет с собой забрать. С новой мамой знакомить.

– Мама всегда одна. Как и папа.

– Настоящая мама пропала. Уже и надежды нет.

– Надежда всегда остается. Без нее мужчине никак нельзя, – Арик притормозил у дома Алексея.

– Спасибо, что подкинули.

– Увидимся. Родителям сердечный привет. Береги их, – Арик помог Алексею закрыть дверь и поехал к себе.

Зина приготовила обед и покорно ждала мужа на скамейке. Они не расписывались, формальности не были соблюдены, но отношения двух людей, оставивших добрую половину жизни за спиной, строились на взаимном уважении, супружеской верности и взаимопомощи.

– С приездом! – Зина обняла Арика. – Обед готов. Тебя нет. Я начала волноваться. Уже хотела звонить.

– Прости. Дела. Порошок, чай, бумагу купил, что просила. Есть хорошие новости. Пойдем в дом. Я ужасно проголодался, – в руках он держал пакеты с покупками.

– Какие же?

– Скоро у нас будут туристы. И нам придется заняться свиньями. Люди готовы платить за то, чтобы увидеть живого страуса, но не хотят пробовать его на вкус. Дорого, – Арик поставил пакеты на пол, снял ботинки, вымыл руки и сел за стол. – Чем будешь угощать, хозяйка?

– Рассольник и ленивые голубцы.

– Отлично! – Арик энергично потер руки.

– Я уж думала зазнобу себе завел какую в городе! – Зина принялась водить половником в кастрюле.

– Ты что, – изумился Арик, подыгрывая хозяйке. – Я встречался исключительно с мужчинами. В машине сидел у меня Алексей. С Чертовидово вез.

– И как он?

– Задумчивый какой-то. За внуком к ним отец приедет.

– За Петенькой?

– Наверное...

– О Маше ничего не слышно? – Зина поставила перед Ариком тарелку с рассольником, подала хлеба. – Горе какое...

– Горе... Аллах милостив, но и самим не стоит на печи лежать. Вот сегодня одна ходила между машинами, побиралась... Молодая же, а глаза пустые, в тумане, словно живой мертвец. В обносках. Кто-то подает... На то и живет. А могла бы работать, мужа найти. И... – Арик резко замолк и замер, словно парализованный. Он вспомнил глаза этой нищенки, ее потухший взгляд и вдруг понял, что эти покрытые пылью черты лица недавно видел. Бросив ложку, он подскочил к комоду и выудил из ящика фотографию улыбающейся девушки в окружении родных тетей.

– Беги к своим, – закричал Арик, надевая ботинки. – Скажи, что я ее нашел!

– Кого? – оторопела Зина.

– Кого?! Машу вашу!

Арик выжимал педаль газа в пол. На повороте верный Бурак чуть не улетел в кювет, но удержался, из последних сил зацепившийся за полоску гравия. На перекрестке нищенки не оказалось. Арик растерянно шарил глазами, пробежался по улицам, но все тщетно – Маша исчезла, словно видение. Разозлившись на самого себя, Арик двинул в сторону ближайшего отделения полиции. Двухэтажное желтое здание ему было хорошо знакомо: каждое лето он из него вызволял своих работников, нарвавшихся в городе на бдительных стражей порядка. Арика выслушали, помочь не отказывались, но чем, если побирушки уже нет в микрорайоне? Расстроенный, он поплелся к выходу, как в конце длинного коридора заметил мелькнувшую родственную душу.

– Ассаламу алейкум, – Арик поздоровался с капитаном и не ошибся.

– Ва алейкум ассалам.

Капитан пригласил Арика в кабинет, угостил зеленым чаем и тот рассказал все что знал, слезно прося помочь.

– Это цыгане, – однозначно ответил земляк Арика, полжизни проживший в Казани. – Вот что, – капитан вызвал к себе молодого курносого сержанта. – Езжай на рынок. Привези цыганку. Лучше двух. Хотя... И одной хватит! С двумя ты не справишься.

– Есть, – обиженно ответил сержант и исчез за дверью.

– Одну привезут – уже хорошо, – капитан откинулся на спинку стула. – Беда с этой цыганщиной. Целым роем слетаются. Вчера одного парня на рынке обрабатывали. Обступили с трех сторон и давай верещать. Загипнотизировали, кошелек вытащили. Со свидетелями мы их взяли. У парнишки глаза осоловевшие, ничего не соображает. Гипноз... Тут в отделении через час отошел. Мы цыганку колоть... Вину признала, кошелек табор вернул. Паренька спрашиваю: будешь заявление писать? А он: если деньги вернут, то претензий не имею... Нет заявления – нет дела! Болван домой, а эти обратно на рынок! У тебя фотография девицы есть?

– Нет, – Арик почесал затылок. – Дома.

– Плохо! Что предьявлять будем? – капитан задумался и быстро нашел решение. – Дома есть кто? Позвони, пусть пришлют на телефон.

Пока воодушевленный Алексей метался между родственниками в поисках лучшей фотографии и скидывал ее Арику, в отделение доставили цыганок.

– Двух привез? – разулыбался капитан, глядя на сержанта, лицо которого пошло трещинами от распивавшей гордости. – Пора тебе старшего давать. Расцарапа-

ли тебя... Состав преступления на лицо! Так... Одну отпущай на все четыре стороны. Придет цыган – сразу ко мне.

Оставшаяся в камере горбатая, беззубая цыганка осыпала всех ругательствами, насыпала порчу и предсказывала провал отделения полиции под землю.

Капитан оказался прав. Вскоре в отделении нарисовался молодой, вихрастый, нагло скалившийся цыган. Глазами он пожирал окружающих, а от его золотой улыбки по серым стенам бегали зайчики.

– Зачем бабушку взяли?

– Запомни это лицо, Будулай, – капитан протянул смартфон. – Она работает у моего друга, – кивнул в сторону Арика. – Передай барону, что эту лошадь надо вернуть. И избавь меня от лишней болтовни.

Капитан встал и подошел к окну, давая понять, что разговор окончен. Цыган уважительно посмотрел на спину полицейскому, фыркнул и ускакал.

– Вернет? – недоверчиво спросил Арик.

– Конечно! – успокоил капитан. – Одной лошастью больше, одной меньше... Мы взяли эту старуху просто так, не за что – значит, дело важное. Просто так мы не беспредельничаем. Цыгане это знают и вернут ее. Даже если не у них – найдут... Они потерявших себя нутром чувт...

Арик опять убедился в проницательности и профессионализме капитана. Дверь открылась, и в кабинет вошел молодой цыган, но этот раз он пришел не один. Рядом с ним стояла та самая нищенка с перекрестка. Грустная, растерянная, с потухшим взглядом... В ней с трудом угадывалась та веселая девчонка с фотографии, но это была Мария.

– Она? – недоверчиво спросил капитан.

Арик кивнул.

– Получите. Распишитесь. Больше не теряй! – довольный капитан пожал руку Арику и повернулся к цыгану: – Пойдем, Будулай. Тебя ждет награда. Как я от вас устал...

Арик усадил безропотную Марию на заднее сиденье уазика и поехал в деревню. Он не спешил, ехал осторожно, словно вез бесценный груз. Сердце пело, улыбка не сходила с его губ. Он сделал в жизни что-то важное, возможно, самый важный поступок. Арик позвонил Зине и радостно пропел: жизнь прекрасна, они возвращаются в Рублёво.

Мария вела себя спокойно, безразлично смотрела в окно, но стоило уазик свернуть с асфальта на большак – цыганская пелена начала спадать, разум и душа стали возвращаться в грешное тело. В Чертовидово она окончательно осознала: ее везут домой. Мария, словно птица в клетке, заметалась от двери к двери, но для бегства машина ехала слишком быстро. Показалась спасительная телега с клячей. Арик предупредительно притормозил, Мария дернула блокировку замка и выскочила на дорогу. Она бросилась бежать, прочь от неминуемого разоблачения, ужаса признания, собственной никчемной жизни. Ноги сами вывели ее к реке – решению всех проблем. Она заходила все дальше и дальше. Прохладные, невозмутимые воды Великой принесут ей облегчение и покой. Течение реки отнесет ее брненное тело далеко от этих мест, туда, где никто не найдет. Воды сошлись над головой, пару мгновений, и все будет кончено...

Откуда-то сверху неведомые силы схватили утопленницу за волосы и потащили из воды. Мария пришла в себя на берегу. Она лежала лицом вниз, ее начало тошнить.

– Куда же ты, дуреха? – обиженно спросил Арик, сел рядом и стал снимать мокрые ботинки. – Жизнь ведь только начинается...

* * *

Сергей безучастно наблюдал за огромной мухой. Жирный бомбовоз, изучая обстановку, натужно гудел под потолком, затем медленно опустился на кухонный стол и, не обращая внимания на замершего хозяина дома, пополз к тарелке с хлебом. По краю белоснежной салфетки забрался наверх и скрылся из виду. Сергей посмотрел на неподвижные стрелки часов, перевел взгляд на занавески, обои и громко зевнул.

В дом влетела возбужденная жена.

– Слушай, не поверишь, – залепетала Лиза. – Там такое! У автолавки рассказали. Представляешь, этот узбек Машку нашел! Бабы плачут от радости, мужики водку закупают. Представляешь?! Чудо! Никто уж не верил... Сейчас обедать будем!

Сергей не сразу ответил жене. Он молчал, пока Лиза энергично вытаскивала покупки на стол.

– Ну и хрен с вами, – обозленно выдавил Сергей и, прищурившись, сквозь запыленное оконное стекло принялся разглядывать краешек реки.